

Помнишь ли ты...

Автор:

Джудит Макнот

Помнишь ли ты...

Джудит Макнот

Современная серия #3

Диана Фостер, кумир американок, издательница популярного журнала, воспеваящего прелести домашнего очага, в действительности была одинокой и не очень счастливой женщиной. Без колебаний приняла она предложение удачливого бизнесмена Коула Гаррисона вступить в фиктивный брак, суливший выгоду обоим. Но очень скоро Коулу и Диане пришлось понять, что даже на бесплодной почве холодной сделки иногда расцветает обжигающая страсть.

Джудит Макнот

Помнишь ли ты...

© Eagle Syndication, Inc., 1996

© Перевод. У. В. Сапцина, 1998

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Посвящается св. Иуде, покровителю невозможного.

На этот раз ты потратил уйму времени – благодарю

На этой странице авторы, по обыкновению, выражают признательность всем тем, кто помог им или же проявил сверхъестественное терпение в период создания книги. В случае с данным романом, написание которого заняло целую вечность, здесь не хватит места, чтобы как следует отблагодарить даже одного из упомянутых людей за его неоценимую помощь, понимание и поддержку. Я могу лишь надеяться, что вы поймете, как много значили – и по-прежнему значите – для меня.

Д-ру Джону М. Льюису, защитнику чужих сердец и хранителю моего,

Кейту Сполдингу, извечному и лучшему другу,

Джорджу Боненбергеру, поставщику незамедлительных ответов на сложные вопросы по запутанным предметам,

Бетти Митчел, создательнице мечтаний,

Брюсу Мониклу, художнику, советчику и лучшему другу,

Марку Стриклеру, самому терпеливому из друзей,

Джиму Хайму, заставившему пересмотреть представления о скрупулезности и честности,

и

Джону и Уитни Шелли, а также Клею Макнот – моим родственникам и друзьям.

Хьюстон, 1979 год

- Диана, ты еще не спишь? Я хотел бы поговорить с тобой.

Диана не стала выключать ночник и откинулась на подушки.

- Хорошо, - отозвалась она.

- Как чувствуешь себя после перелета, детка? - спросил ее отец, приближаясь к кровати. - Устала?

Сорокатрехлетний Роберт Фостер, высокий, широкоплечий хьюстонский нефтепромышленник с ранней проседью в волосах, обычно излучал уверенность. Но этим вечером он выглядел явно обеспокоенным, и Диана знала почему. Несмотря на то что ей едва минуло четырнадцать, Диана была не настолько глупа, чтобы поверить, будто отец зашел осведомиться о самочувствии после перелета на реактивном лайнере. Ему не терпелось поговорить о мачехе и сводной сестре Дианы, о существовании которых она впервые узнала сегодня днем, вернувшись домой после каникул, проведенных в Европе со школьными подругами.

- Со мной все в порядке, - заверила Диана.

- Диана... - начал отец, но смутился, присел на край кровати и взял дочь за руку. Помедлив минуту, он снова заговорил: - Наверное, тебя удивил мой поступок. Прошу тебя, поверь - я никогда не женился бы на Мэри, если бы не был абсолютно уверен, что вы полюбите друг друга. Ведь она нравится тебе, верно? - с тревогой спросил он, испытующе вглядываясь в лицо Дианы. - Ты же говорила об этом...

Девочка кивнула, по-прежнему недоумевающая, почему отец женился столь скоропалительно. С тех пор как умерла мать Дианы, отец встречался с несколькими красивыми, приятными женщинами Хьюстона, но прежде он всегда знакомил их с дочерью и настаивал, чтобы они провели некоторое время втроем.

– По-моему, Мэри очень мила, – произнесла она поразмыслив. – Просто я не понимаю, зачем тебе понадобилось так спешить.

Несмотря на смущенный вид Роберта, в искренности его ответа было невозможно усомниться.

– И в твоей жизни будут такие моменты, когда ты забудешь о логике и планах, отдашься властному зову своего внутреннего голоса. Конечно, со стороны это может показаться безумием. Но в таких ситуациях человек слушает только свое сердце.

– Значит, и с тобой так было?

Он кивнул:

– Не прошло и нескольких часов после моего знакомства с Мэри, как я понял: именно о ней я мечтал, а едва увидев Кори, лишился последних сомнений и уверовал, что мы, все четверо, будем самой счастливой из семей. Но моя интуиция предупреждала: надо действовать решительно, чтобы Мэри не передумала.

Диана недоверчиво посмотрела на отца:

– По-моему, о тебе мечтают все женщины, знакомые с тобой.

– Нет, дорогая, большинство мечтают о том, что я способен им дать – материальную обеспеченность и положение в обществе. Только немногим из них нужен я сам.

– А ты уверен, что Мэри – одна из них? – спросила Диана.

Роберт усмехнулся, и глаза его засветились любовью.

– Я был абсолютно уверен в ней и не ошибся.

– Тогда почему она должна была отказать тебе?

Губы отца растянулись в улыбке.

– Потому что ей чужды поступки по расчету, из корыстных соображений. Мэри очень умна, но они с Кори вели скромный образ жизни в крохотном городишке, где по меркам Хьюстона нет состоятельных людей. Ее любовь ко мне вспыхнула стремительно и ярко, как и моя любовь к ней; Мэри согласилась выйти за меня замуж, но когда узнала, как мы живем, то чуть не пошла на попятную. Она боялась, что они с Кори окажутся здесь не к месту, допустят какой-нибудь непростительный промах и опозорят нас. И чем больше Мэри размышляла об этом, тем сильнее убеждалась, что она нас подведет.

Протянув руку, Роберт осторожно откинул прядь блестящих каштановых волос со щеки Дианы.

– Ты только представь себе: Мэри пренебрегла всеми материальными благами, которые я мог дать ей, – и только потому, что заботилась о нашей репутации. Для нее это очень важно.

Новая мачеха понравилась Диане сразу же, но трепетное отношение отца к Мэри стало для девочки еще одним доказательством.

– Мэри очень понравилась мне, – призналась Диана.

Радостная улыбка озарила его лицо.

– Так я и думал. И ты ей понравилась. Мэри сказала, что ты очень мила и сдержанна. Она заметила, что ты была вправде устроить истерику, когда вошла в дом и столкнулась с мачехой, о которой прежде никогда не слышала. Подожди, ты еще познакомишься с новыми бабушкой и дедушкой! – воодушевленно добавил он.

– Кори рассказывала, что они просто прелесть, – отозвалась Диана, вспоминая обо всем, что узнала от тринадцатилетней сводной сестры.

– Так и есть. Это порядочные, честные, трудолюбивые люди, которые умеют радоваться жизни и крепко любят друг друга. Дедушка Кори – превосходный садовник, изобретатель и умелый плотник, а бабушка – артистическая натура,

талантливая рукодельница. А теперь, – продолжал он, вновь слегка напрягаясь, – признайся, что ты думаешь о Кори.

Диана помолчала минуту, стараясь облечь свои чувства в слова, затем подалась вперед, обхватила руками колени и улыбнулась:

– Она совсем не такая, как мои знакомые девочки. Она... приветливая, честная, искренняя. Кроме Техаса, она нигде не бывала; Кори весьма импульсивна, но в ее жизни было немало таких событий, о которых я и понятия не имею. И потом, она считает тебя чуть ли не королем! – с усмешкой добавила Диана.

– Какая умная и проницательная леди!

– Отец бросил их, когда Кори была еще совсем маленькой, – произнесла Диана печально.

– Его глупость и безответственность обернулись моей удачей, и я приложу все силы, чтобы Мэри и Кори тоже были счастливы. Поможешь мне в этом? – спросил он, поднимаясь и улыбаясь дочери.

Диана кивнула:

– Разумеется!

– Только не забывай: Кори была лишена многих преимуществ, которыми пользовалась ты. Так что не спеши и постарайся подстраховать ее.

– Хорошо, я попробую.

– Вот это говорит моя дочь! – Склонившись, Роберт поцеловал ее в макушку. – Вы с Мэри будете добрыми друзьями.

Он уже собрался уходить, когда спокойное заявление Дианы заставило его застыть на месте и обернуться.

– Кори хочет звать тебя папой.

– Вот как, – хрипловатым от волнения голосом отозвался Роберт Фостер. – Мы с Мэри надеялись, что когда-нибудь это произойдет, но я считал, что Кори потребует много времени, чтобы решиться на такой шаг. – Он взгляделся в лицо дочери, а затем смущенно спросил: – А как к этому отнесешься ты?

Диана усмехнулась:

– Это была моя идея.

В комнате на противоположной стороне коридора Мэри Бриттон-Фостер сидела у постели своей тринадцатилетней дочери, беседа с ней перед сном.

– Ты хорошо провела время сегодня с Дианой? – уже в третий раз спросила она у Кори.

– Ага.

– Тебе было весело в детском домике у Хэйуордов? Тебе понравилось кататься верхом на лошади?

– Мама, все мы уже подростки, а не дети.

– Извини, – ответила Мэри, рассеянно поглаживая Кори.

– И потом, эта громада несколько не напоминает «детский домик» – размерами он был с приличный мотель!

– Такой большой? – насмешливо поддразнила Мэри.

Кори кивнула:

– Да, почти такой же, как наш дом.

То, что она назвала дом Дианы и Роберта «нашим домом», вселило в Мэри уверенность.

– Значит, у Хэйуордов при доме есть и пристройка?

– Да, ее называют конюшней, но это скорее сарай, который снаружи выглядит как красивый каменный дом. У них есть даже парень, который живет на конюшне и ухаживает за лошадьми. Его имя – Коул. Девочки считают его душкой. Он только что приехал из колледжа... забыла какого, но, кажется, этот колледж находится где-то здесь, в Хьюстоне.

– Подумать только! – воскликнула Мэри, изумленно покачивая головой. – Значит, теперь выпускники колледжей годятся только для того, чтобы ухаживать за лошадьми...

Кори подавила смешок.

– Нет, он только закончил семестр и вскоре снова начнет учиться. Ездить верхом – это класс! – добавила девочка, переходя на тему, представляющую для нее больший интерес. – Мне удастся покататься еще раз на дне рождения Барб Хэйуорд, на следующей неделе. Она сама пригласила меня – но, похоже, об этом ее попросила Диана. Сегодня я познакомилась с десятком подруг Барб и Дианы. Пожалуй, они были от меня не в восторге, но Диана уверяла, что мне показалось.

– Понятно... А что ты скажешь о Диане?

– О Диане? – Кори задумалась. – Диана очень сдержанна. Она призналась, что всегда хотела иметь сестру – наверное, потому она так добра ко мне. Она совсем не задается и даже готова одолжить мне свою одежду, если понадобится.

– Это очень мило с ее стороны.

Кори кивнула:

– А когда я похвалила ее волосы, она пообещала, что мы будем причесывать друг друга и выбирать себе прически.

– А она... она не упоминала больше ни о ком?

- О ком, например? - с притворным недоумением переспросила Кори.

- Ты же сама понимаешь - обо мне.

- Дай-ка подумать... а, да - теперь припоминаю! Диана сказала, что ты вредная и злая и, должно быть, будешь запираешь ее дома и заставляешь отскребать полы, пока я разъезжаю по балам и танцую с принцами. А я не стала ее разуверять и пообещала попросить тебя позволить ей носить хрустальные туфельки - но только дома.

- Кори!

Заливаясь смехом, Кори приподнялась и обняла мать, наконец-то признавшись:

- Диана нашла тебя очень милой. Она спрашивала, строгая ли ты, и я ответила, что иногда ты бываешь строгой, но потом раскаиваешься и печешь горы пирожков, чтобы загладить свою вину.

- Я ей и вправду понравилась?

Посерьезнев, Кори с воодушевлением закивала.

- Мама Дианы умерла, когда ей было всего пять лет. Не представляю, как мне жилось бы без тебя, мама...

Мэри крепче обняла дочь и прижалась щекой к ее светлым волосам.

- Диана лишена множества преимуществ, которые есть у тебя, - помни об этом. Никакая одежда не заменит любящих бабушку и дедушку, которые могут научить всему, чему ты научилась, пока мы жили с ними.

Улыбка Кори угасла.

- Я буду ужасно скучать по ним.

- И я тоже.

– Диана долго расспрашивала меня о бабушке и дедушке. Можно мы когда-нибудь пригласим ее в Лонг-Вэлли, чтобы она познакомилась с ними?

– Разумеется. А может, мы попросим Роберта пригласить бабушку и дедушку сюда.

Поднявшись, Мэри собралась уходить, но робкий голос Кори остановил ее:

– Мама, Диана разрешила мне называть Роберта папой. Как думаешь, он не рассердится?

– По-моему, он будет только рад! – Мэри немного погрузилась и добавила: – Может, когда-нибудь и Диана захочет называть меня мамой.

– Завтра, – с заговорщицкой улыбкой пообещала Кори.

– Что «завтра»?

– Она будет звать тебя мамой с завтрашнего дня.

– О, Кори, разве она не чудо? – пробормотала Мэри, и ее глаза наполнились слезами.

Кори не стала возражать:

– Это была моя идея. Диана только подтвердила, что она не против.

– Ты тоже чудо! – со смехом заявила миссис Фостер, целуя дочь. Потушив свет, она вышла из комнаты и плотно прикрыла за собой дверь. Кори лежала с открытыми глазами, гадая, спит ли Диана. Спустя несколько минут она выбралась из-под одеяла и набросила старый фланелевый халат поверх ночной рубашки.

В коридоре она оказалась в кромешной темноте и на ощупь принялась искать дверь в комнату Дианы. Наконец коснувшись кончиками пальцев дверного косяка, она подняла руку, чтобы постучать, и в этот миг дверь распахнулась.

Кори приглушенно вскрикнула от неожиданности.

– А я собиралась посмотреть, спишь ли ты, – прошептала Диана, отступая и увлекая Кори за собой в комнату.

– Папа сегодня говорил с тобой? – спросила Кори, присаживаясь на краешек кровати и с восхищением разглядывая бледно-розовую рубашку и стеганые розовые шлепанцы Дианы.

Диана кивнула и села рядом.

– Да. А ты говорила с мамой?

– Ага.

– По-моему, они опасались, что мы невзлюбим друг друга.

Прикусив нижнюю губу, Кори выпалила на одном дыхании:

– Ты не спрашивала своего отца, можно ли мне звать его папой?

– Спрашивала, и он был очень рад, – отозвалась Диана, понижая голос, чтобы не услышали родители.

– Ты уверена?

– Конечно. Знаешь, он очень растерялся. – Диана уставилась на собственные колени, тяжело вздохнула, а затем подняла глаза на Кори. – А ты сказала своей маме, что я тоже хочу звать ее мамой?

– Да.

– И что же она ответила?

– Назвала тебя чудом, – сообщила Кори, закатывая глаза в притворном недовольстве.

– А что-нибудь еще она сказала?

– Нет, – объяснила Кори, – она расплакалась.

Заулыбавшись, девочки молча взглянули друг на друга, а затем, словно сговорившись, повалились на кровать.

– Пожалуй, – произнесла Диана после минутного размышления, – все получилось поистине замечательно!

Кори кивнула с непоколебимой убежденностью.

Ночью, лежа в своей постели, Кори удивилась, как удачно прошло ее знакомство с Дианой.

Еще утром она сомневалась, что такое возможно. Когда отец Дианы женился на матери Кори и перевез их с дочерью в свой хьюстонский дом, Кори с ужасом ждала встречи со сводной сестрой. Не говоря о том, что Диана родилась богатой и выросла в этом громадном особняке, она была на целый год старше Кори и отлично училась; от одного взгляда на уютную, безукоризненно аккуратную спальню Дианы по спине у Кори побежали мурашки. Судя по всему, Диана просто благовоспитанная задавака. И сочтет Кори тупой деревенщиной и грубиянкой.

Первый же взгляд на Диану подтвердил худшие опасения Кори. Диана оказалась миниатюрной брюнеткой с тонкой талией, узкими бедрами и уже заметной грудью – рядом с ней Кори почувствовала себя бесформенной, плоскогрудой дылдой. Диана была одета, как модель из журнала «Семнадцать», – короткая бежевая юбка, кремовые колготки, клетчатая бежево-голубая блузка и элегантный бежевый блейзер с эмблемой на нагрудном кармане. А Кори носила джинсы и длинный хлопчатобумажный свитер.

Но именно Диана сломала лед между ними. Она похвалила расписанный вручную свитер Кори и призналась, что всегда мечтала иметь сестру. Вечером того же дня Диана повезла Кори в гости, чтобы девушка могла сфотографировать лошадей Хэйуордов новым фотоаппаратом, подаренным отцом Дианы.

По-видимому, Диану не раздражал ни этот роскошный фотоаппарат, ни мысль, что теперь ей придется делить отца со сводной сестрой. И даже если она считала Кори неотесанной деревенщиной, она ничем не показала этого. Диана пригласила Кори на день рождения Барб Хэйуорд, где для гостей предполагалось катание верхом на лошадях. Диана утверждала, что ее подругам понравится Кори, и девочке хотелось ей верить.

Но иметь подруг для нее было не столь важно, как иметь сестру – почти ровесницу, с которой можно развлекаться и болтать. Впрочем, Кори не собиралась эгоистично пользоваться благосклонностью Дианы – она могла кое-что предложить взамен. По мнению Кори, Диана жила чересчур замкнуто и скучно. Сегодня она призналась, что никогда не лазила по деревьям, не ела ягоды прямо с куста и не бросала камушки в пруд – так, чтобы они подскакивали на волнах.

Закрыв глаза, Кори с облегчением вздохнула.

Глава 2

Коул Гаррисон оглянулся через плечо на Диану Фостер, которая ждала, стоя в открытых дверях конюшни. Заложив руки за спину, Диана наблюдала, как ее сводная сестра катается по манежу вместе с другими девочками, приглашенными на день рождения Барбары Хэйуорд. Прихватив щетку и скребницу, Коул направился было к одному из денников, но остановился.

– Хотите, я оседлаю для вас лошадь? – спросил он.

– Нет, благодарю, – отозвалась Диана, и ее учтивый, взрослый тон вызвал у Коула улыбку.

Уже два года на каникулах он работал конюхом у Хэйуордов, и за это время составил определенное представление о дочерях-подростках хьюстонских миллионеров. Он уже давно понял, что тринадцати-четырнадцатилетние подруги Барбары Хэйуорд помешаны на мальчиках и лошадях и всеми силами стремятся управлять и теми и другими. К тому же они были одержимы своей

внешностью, одеждой и положением в кругу ровесниц. Эти легкомысленные и капризные существа отличались также требовательностью, высокомерием и коварством, но временами выглядели поистине очаровательно.

Некоторые из этих девочек уже залезали в бары к родителям, большинство злоупотребляли косметикой, и все до единой пытались флиртовать с Коулом. В прошлом году их попытки казались забавными и неуклюжими, но с возрастом девочки становились все смелее. В результате Коул начал чувствовать себя объектом сексуальных притязаний рано развившихся подростков.

Все бы ничего, если бы поклонницы ограничивались хихиканьем и скромно опущенными ресницами, но в последнее время они преуспели в искусстве соблазнительных поз и томных взглядов. Месяц назад одна из подруг Барбары возглавила «охоту», дерзко осведомившись, как Коул относится к поцелуям взапас. Хейли Винсенс, признанная заводила, тотчас принялась претендовать на роль лидера, сообщив Коулу, что у него «шикарная задница».

Коул редко видел Диану, но эту миниатюрную брюнетку он всегда считал приятным исключением. Она излучала здравомыслие и обаяние, и юноша чувствовал, что в ней есть глубина, которой недостает другим девочкам. Ее волосы имели оттенок темной меди, а поразительно огромные, опущенные длинными ресницами глаза – ясные, сияющие, завораживающие зеленые глаза – смотрели на мир с неподдельным интересом. Эти выразительные глаза светились умом и сообразительностью, вспыхивали в минуты веселья и вместе с тем были наполнены нежностью, которая неизменно заставляла Коула улыбаться девушке.

Закончив чистить кобылу, Коул потрепал ее по гладкому боку и вышел из денника, прикрыв за собой тяжелую дубовую дверь. Вернувшись к полкам, чтобы положить на место скребницу и щетку, он с удивлением увидел, что Диана по-прежнему стоит в дверях, крепко стиснув руки за спиной, и с беспокойством наблюдает за суетой на манеже.

Коул поспешно передвинулся левее, откуда было удобнее осматривать манеж. Первым делом он заметил лишь два десятка девочек, которые смеялись и кричали, гарцуя или перепрыгивая через невысокие барьеры. А затем он обратил внимание, что Кори, сводная сестра Дианы, оказалась в полном одиночестве в дальнем углу манежа. Кори громко похвалила Хейли Винсенс, которая только что обскакала других девочек, но Хейли посмотрела мимо нее,

а затем сказала что-то подругам, и те покатались со смеху, бросая на Кори красноречивые взгляды. У девушки поникли плечи; повернув лошадь, она выехала с манежа, словно ее прогнали бранью.

Диана судорожно сжала кулаки и закусилла нижнюю губу, напомнив Коулу в эту минуту встревоженную наездку. Коул был тронут явным беспокойством Дианы. Впрочем, он понимал: Кори не примут здесь как равную.

На прошлой неделе Диана впервые привела Кори в конюшню и представила ее Барбаре и еще нескольким девочкам, приехавшим посмотреть недавно родившегося жеребенка. Коул стал свидетелем ошеломленного молчания, последовавшего за словами Дианы, заметил выражение враждебного превосходства, с которым юные дебютантки узнавали прошлое Кори и проникались мыслью, что они неизмеримо выше ее.

В тот день Диана несколько не сомневалась, что ее богатые подруги примут Кори с распростертыми объятиями – это подтверждали их учтивые улыбки. По мнению Коула, Кори вызвала острое недовольство подруг Дианы, и, судя по тому, как обеспокоенно хмурилась сейчас Диана, она пришла к тому же выводу.

Тронутый силой чувств девушки, Коул попытался отвлечь ее:

– Кори вполне прилично ездит верхом. Вам не стоит так пристально следить за ней или волноваться.

Полуобернувшись в его сторону, Диана одарила Коула успокаивающей улыбкой:

– Я просто задумалась.

– Понятно, – отозвался Коул, делая вид, что поверил объяснению. – Так бывает со многими людьми. – Он замялся, не зная, что сказать дальше. – А вы любите лошадей?

– Очень, – ответила Диана в своей непривычно взрослой и подкупающей манере. По-прежнему не разжимая кулаков, она обернулась к Коулу, очевидно желая продолжить разговор. – Я привезла им яблоки, – добавила она, показав

на большой бурый мешок, лежащий у двери.

Поскольку она, по-видимому, предпочитала кормить лошадей, а не ездить верхом, Коул поинтересовался:

- А вы умеете ездить верхом?

Диана удивила его, снова кивнув:

- Конечно.

- Тогда давайте разберемся, правильно ли я вас понял, - шутливо продолжал он. - Бывая здесь, вы не ездите верхом даже в компании своих подруг - верно?

- Верно.

- И при этом вы учились верховой езде и очень любите лошадей. Так?

- Да.

- Вы так любите лошадей, что привозите им яблоки. Я не ошибся?

- Нет.

Сунув большие пальцы обеих рук за пояс, Коул с любопытством взглянул на девушку.

- Тогда я ничего не понимаю, - признался он.

- Я люблю лошадей гораздо больше, когда стою на земле.

В ее голосе послышался такой заразительный смех, что Коул усмехнулся:

- Нет-нет, не продолжайте - я догадаюсь сам. Вы упали и ушиблись, да?

– Правильно, – призналась Диана. – Я упала, пытаюсь взять барьер, и вывихнула руку.

– Единственный способ победить страх – попробовать еще раз, – наставительно заметил Коул.

– Так я и сделала, – серьезно заверила его Диана, но ее глаза блеснули.

– И что же?

– И заработала сотрясение мозга.

У Коула заурчало в животе, и юноша подумал о яблоках. Он был стеснен в средствах и при этом обладал неутолимый аппетитом.

– Пожалуй, лучше будет отнести этот мешок подальше – пока о него кто-нибудь не споткнулся, – предложил Гаррисон, поднял мешок и направился в глубину конюшни, намереваясь разделить подарок, предназначенный лошадям. Когда он проходил мимо денника в конце длинного строения, древняя кобыла по кличке Дробь высунула голову поверх ворот и вопросительно взглянула на Коула, принюхиваясь к запаху.

– Пусть ты едва держишься на ногах, но с обонянием у тебя все в порядке, – заверил Коул кобылу, вытаскивая из мешка яблоко и отдавая ей. – Только не рассказывай своим соседям об этом лакомстве – здесь есть и моя доля.

Глава 3

Коул застилал свежим сеном пол в пустых денниках, когда несколько девочек, только что разъезжавших по манежу, вошли в конюшню.

– Диана, нам надо поговорить с тобой о Кори, – объявила Хейли Винсенс.

Коул оторвался от своего занятия и сразу же понял: девчачий суд присяжных готов вынести вердикт – причем отнюдь не благоприятный.

Диана тоже почувствовала это и произнесла вежливо и твердо:

– Я уверена, все вы полюбите Кори, как только хорошенько узнаете ее, и захотите с ней дружить.

– Ни за что! – надменно заявила Хейли. – Что общего у нас может быть с девчонкой из захолустного городка, о котором мы ни разу не слышали? Разве ты не заметила, в каком свитере Кори явилась сюда на прошлой неделе? Она сказала, что ее бабушка нарисовала на этом свитере коня.

– А мне понравился рисунок, – упрямо возразила Диана. – Бабушка Кори – настоящая художница!

– Художники рисуют на холстах, как тебе известно. Ставлю все свои карманные деньги – эти джинсы, что сегодня на Кори, были куплены в магазине поношенной одежды!

Девочки разразились приглушенным смехом, а затем Барб Хэйуорд решилась присоединиться к мнению большинства и смущенно заявила:

– Не понимаю, как она может быть нашей подругой – или твоей, Диана.

Коул поморщился от сочувствия к Кори и симпатии к бедняжке Диане, которая, как он не сомневался, сдастся под напором ровесниц. Но Диана не уступила ни дюйма.

– Мне очень жаль, если ты так считаешь, – искренне обратилась она к Хейли, которая, как уже понял Коул, возглавила кампанию против Кори. – Неужели ты так боишься соперничества?

– Какого соперничества? – озабоченно переспросила Барб Хэйуорд.

– Разумеется, соперничества за внимание мальчиков. По-моему, Кори очень хорошенькая и к тому же веселая – естественно, поклонники будут увиваться

вокруг нее, где бы она ни появилась.

Коул замер с восхищенной улыбкой на лице, понимая суть стратегии Дианы. Поскольку Кори способна заманить больше поклонников в общую ловушку, искушение будет непреодолимым. Коул задумался было, не перетянет ли чашу весов опасение, что Кори уведет из-под носа подруг их приятелей, когда Диана мягко добавила:

– Правда, у Кори дома остался приятель, и потому ей незачем обзаводиться другим.

– По-моему, стоит поближе познакомиться с ней, – произнесла Барб смущенным, убеждающим тоном девочки, которой недостает смелости стать заводилой.

– Как я рада! – горячо воскликнула Диана. – Я знала, что вы меня не подведете. Иначе я скучала бы без вас – мне было бы не с кем меняться одеждой и ездить летом в Нью-Йорк.

– Скучала без нас? О чем ты говоришь?

– Понимаете, Кори – моя лучшая подруга. А лучшие подруги должны заступаться друг за друга и держаться вместе.

Когда девочки ушли, Коул изумленно уставился на Диану, застыв на пороге денника.

– Скажите, – заговорщически начал он, – у Кори и вправду есть приятель?

Диана подумала и кивнула:

– Да.

– Вот как? – с сомнением переспросил Коул, заметив, как Диана виновато отвела искрящиеся смехом глаза. – И как же его зовут?

Диана прикусила губу.

- У него такое странное имя...

- Какое?

- Пообещайте, что никому не проговоритесь.

Очарованный выражением ее лица, преданностью и сообразительностью, Коул перекрестился.

- Его зовут Сильвестр.

- И он... - заставил ее продолжать Коул.

Ее взгляд коварно скользнул в сторону, а загнутые темные ресницы отбросили тени на скулы, приглушив нефритовый блеск глаз.

- Свинья, - призналась Диана.

Коулу показалось, будто он ослышался.

- Свинья? - повторил он. - Наверное, поросенок?

Она кивнула.

- А точнее - боров, - добавила она, поднимая на Коула блестящие зеленые глаза. - Кори рассказывала, что он громадный, но бегаёт за ней по дому, как кокер-спаниель.

В этот миг Коул решил, что Кори - везучая девчонка, если она сумела обзавестись такой хрупкой, но неустрашимой защитницей, как Диана Фостер.

Не подозревая о безмолвных комплиментах Коула, Диана взглянула на него:

- Здесь можно попить?

Коул улыбнулся:

– Обманывать – тяжелая работа, верно? Похоже, жажду вызвала битва с полудюжиной высокомерных девчонок?

Диана широко раскрыла глаза и улыбнулась. Она чертовски смела, подумал юноша, но эта отвага и решимость надежно скрыты присущей только ей мягкой манерой общения.

– Конечно, – ответил он, мотнув головой в конец конюшни. – Поищите сами.

В конце коридора, справа, Диана обнаружила небольшую комнату, где, как она поняла, жил Коул. Узкая койка была заправлена с армейским тщанием, на древнем столе стояла еще более древняя лампа. Книги и бумаги аккуратной стопкой возвышались сбоку. Напротив спальни оказалась ванная, а за ней – тесная кухонька с единственной раковиной, маленькой плиткой и миниатюрным холодильником. Диана решила, что в холодильнике хранят напитки для всех, но, открыв дверцу, увидела, что внутри нет ничего, кроме упаковки хот-догов, пакета молока и коробки овсяной крупы.

Она удивилась, обнаружив, что Коул хранит крупу в холодильнике, но еще больше ее изумило то, что он предпочитал не запасаться едой. Теряясь в догадках, она закрыла дверцу и наполнила бумажный стаканчик водой из-под крана. Выбрасывая стаканчик в небольшое жестяное мусорное ведро, она заметила там два яблочных огрызка. Привезенные Дианой яблоки были дряблыми и совершенно неаппетитными, и она не понимала, почему Коул позарился на них. Наверное, он ужасно голоден.

Продолжая размышлять о пустом холодильнике и яблочных огрызках, Диана остановилась, чтобы погладить изящного рысака, а затем вернулась в конюшню. Кори увлеченно беседовала с тремя девочками у ограды манежа.

– Может, вам следует отправиться туда – на случай, если сестре понадобится помощь?

– Нет, с Кори все будет в порядке. Она замечательная, и вскоре остальные это поймут. И потом, по-моему, ей будет неприятно, если она узнает, что я... вмешивалась в ее дела.

– У вас талант вывозить в свет дебютанток, – пошутил Коул, но, заметив смущение Дианы, поспешно добавил: – А если Кори им все-таки не понравится?

– Тогда она сама найдет себе друзей. Кроме того, среди этих девочек у меня нет по-настоящему близких подруг – ни одной, не говоря уже о Хейли. И о Барбаре. Мне гораздо больше нравится дружить с Дугом.

Коул изумился, вспомнив долговязого и нескладного брата Барбары:

– Значит, Дуг – ваш поклонник?

Диана метнула в него недовольный взгляд и присела на охапку сена близ открытой двери.

– Нет, он мой друг.

– Пожалуй, для него вы маловаты ростом, – пошутил Коул, наслаждаясь разговором. – А кто же тогда ваш близкий приятель? – спросил он, потянувшись за большим красным пластиковым стаканом, который прежде поставил на подоконник.

– Откровенно говоря, у меня нет поклонников и близких приятелей. А у вас есть подруга?

Коул кивнул и глотнул воды.

– Кто она такая? – полюбопытствовала Диана.

Коул вытянул ноги, устроившись рядом с девушкой, сложил руки на коленях и уставился в окно. Диане показалось, что его мысли где-то далеко.

– Ее зовут Валери Купер.

Последовала долгая пауза.

– И это все? – поторопила Диана. – Какая она внешне – блондинка или брюнетка, высокая или маленькая? Какого цвета у нее глаза?

– Она высокая блондинка.

– Как бы я хотела быть такой! – задумчиво призналась Диана.

– Вы хотите иметь светлые волосы?

– Нет, – покачала головой девушка, и Коул засмеялся. – Я хочу подрасти.

– Лучше бы вы мечтали стать блондинкой, – беспечно посоветовал Коул. – Добиться этого куда проще.

– А какого цвета у нее глаза?

– Голубые.

Диана была очарована.

– Вы давно знакомы?

Коул запоздало спохватился: заводить личную беседу с гостьей своего работодателя уже само по себе недопустимо, ведь этой гостье всего четырнадцать лет от роду, а разговор принял слишком доверительный характер.

– Со старших классов школы, – отозвался он, собираясь уйти.

– Она живет в Хьюстоне? – допытывалась Диана, чувствуя, что беседа окончена, но желая продлить ее.

– Она поступила в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе. Мы встречаемся обычно во время каникул.

Вечеринка в честь дня рождения Барбары завершилась огромным тортом, поданным на лужайке перед домом, где виновница торжества обнаружила гору подарков. Затем гости отправились в дом, пока слуги убрали столы снаружи. Диана присоединилась было к остальным, но заметила, что половина шоколадного торта осталась нетронутой, и вспомнила о пустом холодильнике Коула. Повинуясь порыву, она вернулась к столу и отрезала большой кусок торта, а затем понесла его в конюшню.

Увидев шоколадный торт, Коул пришел в неописуемый восторг.

– Перед вами самый отъявленный сладкоежка мира, Диана, – заявил он, вооружаясь вилкой.

Он принялся за торт еще по пути к себе в комнату. Диана какое-то время смотрела ему вслед, впервые понимая: некоторые ее знакомые живут впроголодь. Отвернувшись, она решила прихватывать с собой несколько лишних бутербродов всякий раз, когда будет отправляться к Хэйуордам, и инстинктивно почувствовала: ей надо найти удачный способ угощать Коула, чтобы не оскорблять его самолюбие.

Диана не имела представления об учениках колледжей, но знала, что такое гордость. Всем своим поведением Коул говорил, что он не лишен этого чувства.

Глава 4

– Жизнь прекрасна, – заявила Кори Диане спустя месяца два после дня рождения Барбары Хэйуорд. Девочки уютно устроились под стеганым одеялом на постели Дианы, прислонившись к мягким подушкам в кружевных наволочках. Поедая крендельки, они весело болтали.

– Не дождусь завтрашнего дня, когда ты познакомишься с бабушкой и дедушкой. А через неделю, когда они соберутся уезжать, ты просто влюбишься в них – вот увидишь! Тебе будет казаться, что они всегда были твоими родными.

Откровенно говоря, о последнем мечтала сама Кори: ей хотелось отплатить Диане чем-нибудь ценным за ее заботу.

Занятия в школе начались месяц назад, и к тому времени Диана уже стала лучшим другом и защитницей Кори. Она помогала сестре выбирать одежду и прически, вела ее по лабиринтам и лестницам общественного положения в школе, и в конце концов даже подруги Дианы приняли Кори в свой тесный круг.

Первый месяц Кори испытывала благодарность и растущее благоговение перед счастливо обретенной сестрой. В отличие от Кори Диана никогда не волновалась, не боялась ляпнуть ерунду, не отпускала неудачных шуток и не попадала впросак. Ее густые каштановые волосы с красноватым оттенком всегда блестели, цвет лица был безупречен, а фигура – идеальна. Выбираясь из бассейна с мокрыми волосами и без малейших следов косметики на лице, она выглядела как девушка из телерекламы. Даже одежда у нее никогда не мялась!

Теперь девочки уже считали своих мачеху и отчима настоящими родителями, и Кори очень хотелось, чтобы Диана обрела «настоящих дедушку и бабушку».

– Когда ты познакомишься с бабушкой и дедом, – объясняла Кори, – сразу поймешь, почему их так любят. У бабули все просто горит в руках. Она вяжет, шьет и вышивает. Она возвращается с прогулок с самыми обычными сучками, веточками и листьями, а затем превращает их в замечательные вещицы с помощью капельки клея или краски. Бабушка собственноручно делает подарки и придумывает упаковку; она может украсить свои изделия ягодами, но смотреться они будут восхитительно! Мама такая же, как бабушка. На церковных ярмарках в городе нарасхват шли вещи, пожертвованные бабушкой и мамой.

Однажды на ярмарке в Лонг-Вэлли побывал владелец галереи искусств из Далласа и увидел их работы. Он сказал, что и бабушка, и мама очень талантливы, и предложил им сделать что-нибудь на продажу. Но бабушка объяснила, что это не доставляет ей никакого удовольствия. А мама сослалась на усталость и отказалась выполнить заказ этого человека. Да, ведь бабуля еще замечательно готовит! Она обожает все «натуральное», выращенное своими руками – такое, как овощи или цветы прямо с грядки, но никогда нельзя угадать, что она сделает с ними – украсит стол или положит на тарелку. И то и другое

у нее получается просто здорово!

Она глотнула кока-колы, а затем продолжала:

– А дедушка любит копаться в саду: он ставит опыты, выясняя, как сделать, чтобы овощи росли лучше и были крупнее. Но больше всего ему нравится мастерить.

– Что он мастерит? – заинтересованно спросила Диана.

– Из дерева он творит чудеса – стульчики-качалки для малышей, сараи, которые выглядят как коттеджи, или крохотную мебель для кукольного домика. А бабушка потом раскрашивает его вещицы. Мне не терпится показать тебе домик, который дедушка сделал для меня. Представляешь, там пятнадцать комнат, настоящая кровля и цветочные горшки на окнах!

– Похоже, таких людей я еще не встречала, – ответила Диана, но Кори уже задумалась о том, что тревожило ее с первого дня, когда она пробралась в спальню Дианы, когда та еще была в Европе.

– Диана, – начала Кори притворно-строго, созерцая безукоризненный порядок в этой милой комнате, – неужели тебе не говорили, что поддерживать такую стерильность просто вредно?

Вместо того чтобы справедливо пошутить по поводу неряшливости самой Кори, Диана с рассеянным видом откусила печенье и задумчиво оглядела комнату.

– Пожалуй, ты права, – подтвердила она. – Моя организованная натура предпочитает симметрию и порядок. А может, все дело в том, что во мне сочетаются одержимость и потребность...

Кори приподняла бровь:

– Это еще что такое?

– Глупости. – Диана на секунду замолчала, отряхивая руки от крошек. – Просто нелепая причуда.

– Но ведь ты не чокнутая! – преданно и воодушевленно возразила Кори, жадно надкусив печенье. Оно разломилось, и половина упала на колени Дианы.

Подобрав кусочек, Диана протянула его подруге.

– Должно быть, у меня некая потребность поддерживать порядок – чтобы хоть отчасти управлять событиями. Наверное, это возникло потому, что моя мама умерла, когда я была еще совсем маленькой, а год спустя умерли мои бабушка и дедушка.

– Какая связь между смертью твоей матери и тем, что ты расставляешь обувь по алфавиту?

– Мне кажется, что если я буду содержать все в идеальном порядке и как можно лучше справляться с домашними делами, такой же упорядоченной будет и моя жизнь. В ней не случится ничего плохого.

Кори ошеломленно уставилась на сестру:

– От кого ты услышала такую чепуху?

– От врача, к которому папа возил меня после смерти бабушки и дедушки. Этот психоаналитик собирался помочь мне справиться с утратой стольких родных людей сразу.

– Какой болван! С благими намерениями он наговорил тебе всякой ерунды и заставил почувствовать себя ненормальной?

– Нет, все это он втолковывал папе, а я их подслушала.

– И что же ответил папа?

– Он сказал, что этому человеку самому не помешает обратиться к психоаналитику. Понимаешь, в Ривер-Оукс принято водить детей на приемы к психоаналитикам. Окружающие посоветовали папе так поступить, и в конце концов он послушался.

Кори вернулась к прежним мыслям:

– Поддразнивая тебя аккуратностью, я просто пыталась объяснить: удивительно, что мы с тобой так здорово подружились, несмотря на то что мы такие разные. Иногда я кажусь самой себе безнадежно заблудшей овечкой, которую ты из милости приняла под свое крыло – зная, что я никогда не стану такой, как ты. Бабушка говорит, что горбатого могила исправит и что из свиного уха не сошьешь шелкового кошелька.

– Заблудшая овечка! Свиное ухо! – выпалила Диана. – Да нет же! Я многому научилась у тебя! У тебя есть достоинства, которые я мечтаю приобрести.

– Назови хотя бы одно, – скептически потребовала Кори. – То, что в их число не входят мои школьные успехи или моя грудь, я уже знаю.

Диана рассмеялась и в притворном возмущении закатила глаза, но затем серьезно произнесла:

– Прежде всего ты предприимчива и смела.

– Благодаря одному из своих «предприятий» я наверняка окажусь за решеткой, прежде чем мне стукнет восемнадцать.

– Ни в коем случае! – возразила Диана. – Я хотела сказать, когда ты решаешь что-нибудь сделать – например, фотографии со строительных лесов у нового небоскреба, – ты забываешь об опасности и осуществляешь задуманное!

– Ты ведь лазила вверх вместе со мной.

– Но я этого не хотела. Я трусила так, что едва держалась на ногах.

– И все-таки полезла за мной.

– Вот об этом я и говорю. Прежде я не делала ничего подобного. Жаль, что я не похожа на тебя.

Кори надолго задумалась, а затем ее глаза коварно блеснули.

– Ну что же, если ты хочешь стать такой, как я, начнем с этой спальни. – И она завела руку за плечо.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты когда-нибудь дралась подушками?

– Нет, а по... – Слова Дианы потонули в пухлой подушке, шлепнувшейся ей в лицо. Кори метнулась к изножью кровати и пригнулась, ожидая возмездия, но Диана сидела неподвижно, дожевывая печенье и держа подушку на коленях. – Неужели ты все-таки решилась? – наконец произнесла она, пристально глядя на Кори.

Обманутая ее невозмутимым видом, Кори спросила:

– Почему бы и нет?

– Потому что теперь мне придется... отплатить тебе тем же!

Диана сорвалась с места так стремительно и прицелилась так метко, что Кори не успела увернуться. Смеясь, она бросилась за еще одной подушкой, и Диана последовала ее примеру. Пять минут спустя, когда встревоженные родители распахнули дверь спальни, им пришлось вглядываться сквозь летающие по комнате перья, чтобы обнаружить двух девочек – они лежали на полу, заливаясь смехом.

– Что, черт возьми, здесь происходит? – произнес мистер Фостер тревожно.

– Бой подушками, – задыхаясь, ответила Диана. Перо прилипло к ее губам, и она попыталась снять его двумя пальцами.

– Нет, просто сдуй или сплюнь, – со смехом посоветовала Кори, а затем продемонстрировала этот способ.

Диана старательно повторила увиденный прием, а затем зашлась в хохоте, увидев гримасу на лице отца. Перья кружились у него над головой, опускались

на плечи, а он стоял, словно окаменев, рядом с новой мамой Дианы, которая пыталась скрыть усмешку.

- Мы уберем все, прежде чем ляжем спать, - пообещала Диана.

- Ни за что, - непримиримо заявила Кори. - Ты должна провести ночь среди этого мусора. Если сумеешь - значит, еще не все потеряно, может быть, ты вскоре станешь отъявленной неряхой вроде меня!

Все еще лежа на полу, Диана взглянула на Кори и подавила смешок.

- Ты и вправду так думаешь?

- Да, шанс есть, - торжественно поставила диагноз Кори, - но тебе придется как следует потрудиться.

Едва Роберт Фостер попытался возразить, жена потянула его за рукав прочь из комнаты. В коридоре Роберт недовольно взглянул на нее:

- Разве девочкам не следует прибраться сегодня же?

- Завтра будет в самый раз, - отозвалась Мэри Фостер.

- Но эти подушки стоили недешево. Диане следовало вспомнить об этом заранее. С ее стороны было бездумно и безответственно портить их.

- Боб, - мягко произнесла Мэри, увлекая мужа к спальне, - такого обостренного чувства ответственности, как у Дианы, я не встречала еще ни у одной девочки.

- Я научил ее быть такой. Взрослый человек обязан осознавать последствия своих поступков.

- Дорогой, - прошептала Мэри, - она еще ребенок.

Роберт задумался, и вскоре озорная улыбка приподняла уголки его губ.

- Ты права. Но неужели ты считаешь, что уметь сплевывать перья так важно?

- Необходимо, - со смехом отозвалась его жена.

Склонившись, Роберт поцелует стер улыбку у нее с лица.

- Я люблю тебя, - прошептал он.

- А я люблю Диану.

- Знаю, и потому моя любовь к тебе крепнет с каждым днем. - Повалившись в постель, Роберт потянул за собой жену, пытаясь просунуть руки ей под шелковый халат. - Ты ведь знаешь, что я люблю Кори?

Она кивнула, одновременно протягивая руку за подушкой, прислоненной к спинке кровати.

- Вы изменили нашу жизнь, - продолжал Роберт.

- Спасибо, - шепотом ответила Мэри и уселась рядом с мужем. - А теперь позволь изменить твои представления.

- О чем?

- О боях подушками. - С этими словами Мэри залепила мужу подушкой в лицо.

Сестры услышали громкий стук. В тревоге вскочив на ноги, они выбежали в коридор.

- Мама, папа! - позвала Диана, постучав в дверь спальни родителей. - С вами все в порядке?

- Ничего страшного, - донесся голос Мэри Фостер, - но мне не мешает подмога.

Диана и Кори обменялись изумленными взглядами, затем Диана повернула ручку и открыла дверь. Девочки застыли как вкопанные, с открытыми ртами уставились на родителей, а затем переглянулись.

И разразились хохотом.

На полу, среди кучи перьев, их отец только что положил мать на обе лопатки и прижал ее руки к ковру.

– Извиняйся, – велел он.

Его жена залилась смехом.

– Извиняйся, иначе не отпущу.

Мэри Фостер взглянула на дочерей, перевела дыхание и насилу выговорила между приступами смеха:

– По-моему, в таких... случаях... женщины должны... действовать сообща.

Девочки были с ней согласны. Битва этой ночи завершилась со счетом двенадцать – два: дюжина пуховых подушек не устояла против двух резиновых.

Глава 5

Переполненная хорошими новостями, Диана схватила сумку с кожаного сиденья нового «БМВ», подаренного ей отцом месяц назад, в честь шестнадцатилетия, и взлетела по ступеням величественного георгианского особняка – своего первого и единственного дома. За два года, прошедших с тех пор, как ее мачеха, а затем и ее родители перебрались в Ривер-Оукс, и атмосфера, и внешний вид дома и окрестностей коренным образом изменились. Тишину вытеснили смех, веселые беседы и шуточные споры; из кухни плыли восхитительные запахи; цветы заливали безудержным буйством красок сад и расплескивались изысканными букетами в комнатах.

Все восхищались переменами, а также прибавлением в семье – все, кроме экономки Гленны, которая вырастила Диану после смерти ее матери. Именно с Гленной Диана столкнулась в холле.

– Гленна, а Кори дома?

– Кажется, она на заднем дворе – обсуждает вместе с остальными завтрашнюю вечеринку. – Гленна закончила стирать пыль со стола орехового дерева и выпрямилась, внимательно оглядывая полированные поверхности. – Когда была жива твоя мама, она нанимала декораторов и поваров, желая устроить прием, – многозначительно подчеркнула Гленна. – Так развлекается большинство состоятельных людей – и развлекалось бы впредь, если бы не мы.

– Да, – с мимолетной улыбкой подтвердила Диана. – Теперь мы задаем тон. – Она направилась по коридору, уходящему в глубь дома, а Гленна шагала рядом, походя смахивая тряпкой с попадавшихся на пути столов и стульев несуществующие пылинки.

– Когда мы устраивали прием, – гнула свое Гленна, – главной задачей было украсить дом и подать вкусную еду. Но теперь этого мало. Теперь, видите ли, все должно быть свежим, натуральным, выращенным или сделанным собственноручно. Самодельное и домашнее годится только для деревенских жителей. Конечно, твои бабушка и дедушка и в самом деле из деревни, и им трудно понять, что...

Непрестанное брюзжание Гленны продолжалась с тех пор, как родители Мэри захватили в свои руки домашнее хозяйство.

Родители Мэри и Диана полюбили друг друга с самой первой встречи. Видя, как несколько месяцев подряд девочки разрываются между Лонг-Вэлли и Ривер-Оукс, Роберт поручил архитектору и подрядчику подновить и расширить пристройку к особняку, предназначенную для гостей. Следующим шагом стал парник для Розы и огород для Генри.

За свое великодушие Роберт был вознагражден свежими фруктами и овощами, выращенными на его собственной земле, и аппетитными кушаньями, подаваемыми в самых неожиданных местах.

Роберту никогда не нравилось есть в просторной кухне в задней части дома. Кухня предназначалась для небольшой армии поваров, необходимых для проведения пышных приемов. Помещение с белыми кафельными стенами, чересчур громоздким нержавеющей оборудованием и унылым видом из единственного окна казалось Роберту казенным, стерильным и неуютным.

Пока в жизни Роберта не появилась Мэри и ее родные, он довольствовался обжигающе-острой стряпней своей кухарки Кончиты – стряпней, которую поспешно съедал в официальной обстановке столовой. Ему и в голову не приходило, что можно обедать под деревом на симпатичной лужайке за домом или же возле прямоугольного бассейна олимпийских размеров.

Но теперь Роберт поглощал восхитительные блюда и наслаждался пребыванием дома. Кухня, которую он некогда избегал, стала его излюбленной комнатой. В одном ее конце Генри устроил подобие солярия, вмонтировав окна в потолок и наружную стену. В этом уютном, светлом уголке расставили диваны и кресла, где было приятно коротать время перед обедом. Мэри с Розой расписали каждую плитку узором из переплетенных лоз и цветов и выбрали для обивки мебели ткань с тем же мотивом. А затем они заполнили оставшееся место многочисленными растениями в белых горшках.

В противоположном конце заново отделанного помещения обычный белый кафель был облагорожен нанесенным через трафарет бордюром. Старые кирпичи, бывшие некогда кладкой дома, теперь составляли одну из стен, образуя широкую арку, на которой висели медные кастрюли и сковородки.

Жена Роберта и ее родители придавали ошеломляюще естественную прелесть территории у дома и притягательный уют внутренним помещениям. Что бы они ни мастерили: удивительные плетеные коврики, причудливые рамы для картин, изящную, расписанную вручную мебель, украшения из позолоченных овощей или элегантную упаковку для подарков, – во все они вкладывали усердие и любовь.

Спустя год после свадьбы с Робертом состоялся официальный дебют Мэри в роли хозяйки дома – предполагалось устроить роскошный прием в саду для утонченного, баснословно богатого хьюстонского общества, к которому принадлежали друзья и сверстники Роберта.

Но вместо того чтобы воспользоваться услугами профессиональных поваров и декораторов, Мэри с Розой сами следили за приготовлением и украшением блюд по домашним рецептам, с гарниром из зелени, собранной на огороде Генри. Эти яства подавали в мерцающем свете факелов на столы, застланные льняными скатертями с аппликациями, выполненными вручную, расставляли среди ваз с букетами цветов, выращенных Генри.

Мэри и ее мать собрали сотни орхидей в собственной теплице, а затем усадили Диану, Кори и их четырех подруг за изготовление элегантных украшений из цветов. Мэри с Розой решили, что каждая гостья должна получить маленькую лакированную шкатулку, расписанную орхидеями таких же цветов, как лежащие внутри безделушки. Свято веря, что даже пресыщенные хьюстонские миллионеры будут в восторге от их уникальных и изысканных украшений для стола, а также домашних кушаний и прочих нововведений, Мэри с Розой провели много счастливых часов на кухне, строя планы и создавая шедевры.

За два часа до начала приема Мэри обследовала дом и сад и разразилась слезами в объятиях мужа.

– О, дорогой, зачем ты позволил мне сделать это! – стонала она. – Все скажут, что я испортила твой прекрасный дом самодельным барахлом. Твои друзья много путешествуют, они привыкли к роскошным ресторанам, пышным балам, бесценному антиквариату, а я... я приготовила для них барбекю на заднем дворе. – Мэри уткнулась мокрым от слез лицом в грудь мужу. – Они подумают, что ты женился на чокнутой голодранке!

Поглаживая жену по спине, Роберт улыбался. Сегодня он тоже прошелся по дому и саду, разглядывая их глазами постороннего наблюдателя. Увиденное наполнило его гордостью и предвкушением. Он искренне считал, что Мэри и ее родители придали совершенно новый смысл выражению «самодельный». Они возвели его в творческий акт, который придает неповторимые черты обезличенному и превращает самые заурядные вещи в прекрасные и исполненные значения предметы. Роберт не сомневался: его гости достаточно проницательны, чтобы заметить и оценить изысканность и красоту изделий Мэри. Он знал, что гости будут поражены – и творениями хозяйки дома, и ею самой.

– Ты ослепишь их, Мэри, – прошептал он, – вот увидишь.

Роберт оказался прав.

Гости были без ума от великолепной еды, украшений, цветов, сада, дома и особенно – от непосредственности и радушия хозяйки. Те самые знакомые, которые изображали потрясение, узнав, что Роберт отвел часть своей лужайки под огород, теперь попросили разрешения осмотреть это чудо. Генри несколько часов с гордостью возглавлял экскурсии по огороду, озаренному лунным светом. Пока он водил гостей между ровными грядками удобренных органикой овощей, его энтузиазм был настолько заразительным, что еще до завершения вечеринки несколько человек загорелись желанием устроить возле собственных домов огороды.

Мардж Крамбейкер, ведущая раздела светских новостей «Хьюстон пост», разразилась восторженной статьей:

«Миссис Роберт Фостер III (урожденная Мэри Бриттон из Лонг-Вэлли) по праву может считаться самой известной хозяйкой Хьюстона. На празднестве присутствовали родители миссис Фостер, мистер и миссис Генри Бриттон, которые любезно показывали очарованным гостям – будущим садоводам и ремесленникам (будь у них только время!) – новый сад, огород и парник, а также мастерскую, которую Боб Фостер построил на территории своего особняка Ривер-Оукс...»

Теперь, год спустя, Диана вспоминала об этом событии, вполуха слушая бесконечные сетования Гленны по поводу предстоящей вечеринки. Сдерживая недовольство, она напоминала себе: Гленна не питает ненависти к Мэри или ее родителям, она просто досадует, что у нее перехватили бразды правления. Но, как считала Диана, жизнь чудесна – она наполнена людьми и событиями, любовью и смехом...

– Я не из тех, кто тычет пальцем в недостатки чужого воспитания, – призналась Гленна, – но если бы миссис Фостер выросла в обеспеченной семье, она знала бы, как принято развлекаться у богатых. Когда твой отец объявил, что намерен перевезти сюда ее родителей, я думала, что хуже уже не будет. Но вдруг выяснилось, что Генри твердо решил устроить здесь огород и компостную кучу – прямо на заднем дворе; затем он превратил гараж в парник и склад инструментов! И не успела я опомниться, как твоя новоиспеченная

бабушка перекопала всю лужайку под цветник и грядки для зелени и принялась лепить глиняные горшки. Хорошо еще, что эта леди из раздела светских новостей – кажется, Мардж – не обозвала нас деревенщинами.

– Гленна, это несправедливо, – возразила Диана, останавливаясь, чтобы выложить из сумки учебники. – Каждый, кто знакомится с мамой, бабушкой или дедушкой, считает их ни на кого не похожими, замечательными людьми! Кстати, в Хьюстоне мы прославились именно тем, что мама называет возвращением к истокам. Вот почему журнал «Жизнь на Юге» пришлет фотографа на наш завтрашний прием.

– Если на фотографиях мы не будем выглядеть смешными и нелепыми, это можно считать чудом!

– Нас никто не считает смешными, – возразила Диана, открывая дверь. – В редакции «Жизни на Юге» увидели фотографии в «Хьюстон кроникл», сделанные у нас дома на прошлогоднем приеме, и захотели опубликовать о нас статью.

Помня, что отец советовал ей быть терпеливой и снисходительной к Гленне, Диана улыбнулась. Девушка знала, что они с отцом – единственные близкие Гленны.

– Мы понимаем, что тебе трудно заботиться о семье из шести человек, особенно когда все заняты своими увлечениями. Ты слишком сильно устаешь – вот почему папа пожелал, чтобы ты наняла кого-нибудь себе в помощники.

Женщина тотчас же приободрилась:

– Мне не нужна помощь. Я отлично справляюсь сама.

Диана ласково погладила ее по руке, выходя из дома с намерением отыскать Кори.

– Много лет ты заменяла мне мать, Гленна. Мы с папой никогда не справились бы с домашними делами без тебя и до сих пор нуждаемся в твоей заботе. – Последнее замечание было не совсем искренним, но Диана считала,

что эта маленькая ложь простительна – хотя бы потому, что строгое лицо Гленны мгновенно просияло.

Диана остановилась под балконом, отыскивая взглядом Кори.

Первоначально задний двор был просторным, но ничем не примечательным: его середину занимал большой плавательный бассейн, дальнюю часть – пристройка для гостей, слева располагались теннисные корты, а справа – гараж на шесть автомобилей. Двор всегда казался Диане унылым и пустынным, как беспорядочно выстроенный дом. Но теперь он ничем не напоминал прежний.

Девушка немного забеспокоилась, обнаружив, в какой стадии находятся приготовления к вечеринке. До прибытия съемочной группы из «Жизни на Юге» осталось меньше суток, а ничего еще не было готово. Столы и стулья стояли вперемежку с тентами; дедушка балансировал на стремянке, пытаясь закончить бельведер; бабушка спорила с садовниками, как лучше срезать ветки магнолии, чтобы использовать их в букетах; а мать зачитывала список дел двум горничным.

Диана еще искала Кори, когда из гаража появился отец с дипломатом и пиджаком в руках.

– Привет, папа! – воскликнула Диана и поцеловала его. – Как ты рано вернулся!

Он обнял Диану за плечи и бросил взгляд на царившую вокруг суету:

– Я решил проверить, как продвигается работа. Как твои дела в школе?

– Все в порядке. Сегодня меня выбрали президентом класса.

Отец крепче сжал ее плечо.

– Великолепно! Теперь постарайся удержаться на этом посту. – Улыбнувшись дочери, он взглянул на жену и тещу, которые целеустремленно направлялись к ним, сохраняя радостные улыбки на лицах. – Ну, мадам президент, кажется, сейчас меня привлекают к работе, – усмехнулся он. – Странно, что вас с Кори еще не включили в число помощников.

– Наша задача не путаться под ногами, – процитировала Диана слова матери и бабушки. – Я заехала за Кори – Барб Хэйуорд пригласила нас покататься верхом.

– Кажется, Кори у себя в ванной, – заметила мать, – проявляет пленку.

– По-моему, она не откажется навестить Хэйуордов, – предположила Диана, направляясь к дому. Признаться, она была уверена, что сестра составит ей компанию – не столько из желания покататься верхом, сколько повидать Спенсера Эддисона, который днем наверняка будет у Хэйуордов.

Спальня Кори находилась как раз напротив комнаты Дианы. Помещения были одинаковыми по размеру и планировке, с отдельными ваннами, гардеробными и большими стенными шкафами. Но в остальном спальни отличались так же разительно, как характеры и увлечения их обитательниц.

В свои шестнадцать лет Диана была миниатюрной, уравновешенной и очаровательно-женственной. Она по-прежнему прекрасно училась и была заядлым книголюбом, отличалась аккуратностью, неплохими организационными способностями и держалась несколько скованно с малознакомыми людьми.

Ее спальня была выдержана в старинном французском стиле: муаровые панели на стенах, кровать с балдахином, застланная желтым покрывалом, письменный стол, где каждая ручка и клочок бумаги занимали свое место.

Диана вошла в комнату, сложила книги на столе и направилась к шкафу. Сняв красный хлопчатобумажный свитер, она аккуратно свернула его и положила на полку рядом с десятком других точно таких же свитеров, разложенных по цвету.

Темно-синие слаксы Диана повесила там, где висели другие синие брюки и шорты, а затем босиком прошлепала к шкафу и нашла белые шорты. Потом она достала темно-синюю тенниску с белой отделкой и натянула ее через голову. Сунув ноги в белые сандалии, стоящие в вытянутом по струнке ряду обуви на нижней полке, Диана остановилась у туалетного столика и принялась расчесывать волосы. Машинально взяв тюбик светло-розовой губной помады, она слегка провела ею по губам и отступила подальше, глядя в зеркало.

Глядевшая на Диану девушка казалась ей ничем не примечательной. Те же зеленые глаза и темные ресницы. Даже самые незаметные тени для век придавали лицу вульгарное выражение, а не подчеркивали красоту глаз – по крайней мере так решила Диана. Румяна на высоких скулах вызывали у девушки ощущение, словно она накрутилась для маскарада, тональный крем ничуть не менял впечатления, поэтому Диана им тоже не пользовалась. Крохотную ямочку в центре подбородка ей так и не удавалось замаскировать. Волосы были лучшим украшением Дианы – густые, блестящие от тщательного мытья и расчесывания, но она предпочитала простые прически, считая, что с их помощью выгодно преподносит себя. Вспомнив, как жарко и влажно на улице, она быстро собрала волосы в конский хвост, а затем отправилась к Кори.

Дверь в спальню Кори была открыта, но девушки нигде не было видно. Диана осторожно принялась пробираться к запертой двери ванной сквозь кучи одежды, обуви, шарфов, фотоальбомов и прочего мусора, раскиданного по полу.

– Кори! – позвала она. – Ты здесь?

– Сейчас, – отозвалась Кори. – Только повешу сушиться эту пленку... Похоже, мне посчастливилось сделать редкий кадр – когда Спенс играл в теннис в клубе, вечером на прошлой неделе. Пожалуй, я все-таки переключусь на ночные съемки.

– Выходи скорее. У меня важные новости, – с улыбкой произнесла Диана.

Увлечение Кори фотографией началось два года назад, когда мистер Фостер подарил ей фотоаппарат, и переросло в настоящую страсть. Увлечение Кори Спенсером Эддисоном началось год назад, когда Кори заметила его на вечеринке. И вылилось в одержимость. Фотографии, изображающие Спенсера дома, на спортивных площадках и даже у придорожного «Макдоналдса», за рулем машины, были прикреплены к зеркалу Кори, к ее доске для заметок и теснились на стенах комнаты.

Несмотря на то что Спенс был звездой футбольной команды Южного методистского университета, где встречался с хорошенькими студентками, Кори свято верила: удача, упорство и молитвы когда-нибудь сделают так, что Спенс будет принадлежать только ей.

– Я не ошиблась, – заявила Кори, появляясь из ванной с мокрой пленкой в руках. – Только взгляни на этот кадр, где Спенс подает мяч!

Диана усмехнулась:

– Почему бы нам не отправиться к Хэйуордам – чтобы ты могла повидать его живьем?

Кори просияла от радости.

– Он вернулся домой? Ты уверена? – И прежде чем Диана успела ответить, девушка метнулась в ванную, чтобы повесить пленку, а затем бросилась к туалетному столику. – Что же мне надеть? Мне хватит времени вымыть голову? – Кори беспокойно переспросила: – А ты уверена, что он там будет?

– Уверена. Дуг Хэйуорд случайно обмолвился, что Спенс заедет к ним после ужина, чтобы посмотреть новую лошадь Дуга. Услышав это, я сразу же разыскала Барб, и – разумеется, невзначай! – вытянула из нее приглашение для нас обеих. Ну а теперь мы сможем отправиться в гости.

Кори знала, что Диана не любит кататься верхом, и понимала, как это скучно – бывать у Хэйуордов и смотреть, как гарцуют на манеже другие. Однако Диана никогда не отказывалась от приглашений – потому что Кори любила верховую езду. А теперь она приняла приглашение Барбары потому, что к Хэйуордам собирался заехать Спенс.

– Ты – чудесная сестра! – заявила Кори, порывисто обнимая Диану.

Диана ответила на ее объятие и отстранилась:

– Поторопись, чтобы мы успели перекусить и появиться у Хэйуордов раньше, чем там окажется Спенс. Тогда никто не скажет, что ты преследуешь его.

– Ты права! – воскликнула Кори, вновь поразившись дальновидности Дианы.

Что бы ни замышляла Кори, Диана всегда помогала ей осуществить замысел, обдумывая действия заранее, чтобы Кори не попала в неловкое положение

или в беду. Диана преуспевала в тщательном планировании поступков и оценке риска, но из-за своей порывистости и настойчивости Кори то и дело попадала впросак, а Диана, как правило, разделяла участь сестры.

Некоторые из этих злополучных проказ неизбежно привлекали внимание родителей, и тогда мать Кори доказывала отцу, что выходка сестер никому не принесла вреда.

Но Роберту Фостеру с трудом удавалось философски относиться к шалостям своих дочерей – например, когда они всю ночь проплутали в Йеллоустоунском национальном парке, потому что Кори хотелось сфотографировать лося на фоне восходящего солнца. Роберт Фостер отнюдь не обрадовался, узнав из газеты, что его дочерей пришлось снимать с подъемника для строителей, застрявшего на тридцатом этаже недостроенного небоскреба, окруженного высокой оградой с многочисленными табличками «Вход строго воспрещен».

– А пока ты одеваешься, – продолжила Диана, поворачиваясь и направляясь к лестнице, ведущей на кухню, – я спущусь и посмотрю, чем сегодня смогу угостить Коула.

– Кого? – рассеянно переспросила Кори, с восторгом предвкушая встречу со Спенсом.

– Коула Гаррисона. Ты его знаешь, он работает в конюшне Хэйуордов. Дуг сказал, что Коул приехал на каникулы, – с улыбкой объяснила Диана, но у нее в голосе послышалась странная нотка. – Если ничто не изменилось, он, как обычно, не страдает плохим аппетитом.

Кори ошеломленно посмотрела ей вслед. Сестра не на шутку взволнована! Еще никогда Диана не заговаривала о своих чувствах к конюху Хэйуордов.

Как только мысль о Диане и Коуле закралась ей в голову, Кори уже не могла отогнать ее. Стоя под душем и взбивая шампунь в густую пену, она пыталась представить себе Диану и Коула вдвоем, но картина оказалось слишком смехотворной.

Диана мила и воспитанна, она пользуется таким успехом, что может выбирать среди юношей из самых богатых семей, вроде Спенсера Эддисона, которые

никогда не попадают в глупое положение, отличаются утонченным вкусом и успевают повидать мир к семнадцати-восемнадцати годам. Они вырастают в клубах, играя в гольф и теннис, а появления на званых ужинах в сшитых на заказ смокингах становятся для них привычными уже к шестнадцатилетнему возрасту.

Завернувшись в полотенце, Кори водила щеткой по своим длинным светлым волосам, пытаясь понять, почему Диана предпочла такого парня, как Коул, – парня, который лишен и лоска, и обаяния Спенса. Спенс выглядел божественно в темно-синем клубном пиджаке и брюках цвета хаки, или в теннисном белом костюме, или в белом смокинге. Спенсер Эддисон, казалось, «родился с серебряной ложкой во рту», как часто говорила бабушка о богатой светской молодежи Хьюстона. Выгоревшие на солнце каштановые волосы, смеющиеся янтарные глаза и здоровый румянец делали Спенса привлекательным, холемым и добродушным.

Коул разительно отличался от Спенса: его волосы имели оттенок воронова крыла, лицо было загорелым до черноты, а холодные беспокойные серые глаза напоминали штормовое море. Кори не видела на нем другой одежды, кроме вытертых джинсов, трикотажных рубашек или мешковатых свитеров; неудивительно, что она не могла вообразить Коула, играющим с Дианой в теннис или же танцующим в смокинге.

Она слышала выражение «противоположности притягиваются», но в этом случае различия были слишком велики. Неужели практичную, утонченную Диану и впрямь привлекает явная сексапильность или мужская грубая сила? Коул даже не считал нужным проявлять дружелюбие по отношению хоть к кому-нибудь!

Диана никогда и ни в кого не влюблялась – даже в Мэтта Диллона или Ричарда Гира. А вот теперь увлеклась мужланом, которому наплевать на то, что он носит и где спит. Воистину любовь зла!

Девушка застыла с коричневыми брюками для верховой езды в руке, когда припомнила, что Барб Хэйуорд и остальные подруги не разделяют ее равнодушия и пренебрежения к Коулу. Напротив, он являлся предметом великого множества тайных грез и еще большего количества домыслов. Барб Хэйуорд считала, что по сравнению с Коулом все знакомые парни выглядят молокососами. Хейли Винсенс уверяла, что Коул «ужасно сексуален».

Эти воспоминания настолько ошарашили Кори, что она совсем забыла о предстоящей встрече со Спенсом. И лишь очнувшись, она почувствовала тот самый укол желания и восторга, от которого страдала с тех пор, как впервые увидела своего рыцаря.

Глава 6

Кори была слишком возбуждена, чтобы есть, и потому лениво ковыряла вилкой в тарелке, а когда бабушка заметила это, беседа за большим кухонным столом вдруг оборвалась, и все, кроме Дианы, с беспокойством уставились на девушку.

– Ты почти не дотронулась до ужина, Кори. Что случилось, детка?

– Ничего. Просто я не голодна, – ответила она.

– Ты спешишь? – спросила мать.

– С чего ты взяла? – невинно отозвалась Кори.

– Ты то и дело поглядываешь на часы, – заметил дедушка.

– Просто мы с Дианой сегодня собрались в гости к Хэйуордам, – объяснила Кори, которой изрядно наскучил этот допрос. – У Дуга новый жеребец для поло, и мы хотим посмотреть, каков он в деле. Мистер Хэйуорд установил возле манежа большие фонари, чтобы можно было кататься поздно вечером.

– Новый жеребец для поло! – с понимающей улыбкой воскликнул отец, многозначительно поглядывая на идеально уложенные волосы Кори и тщательный макияж. – Полагаю, ты надеешься произвести на него хорошее впечатление с первой же встречи?

Чтобы доставить удовольствие родственникам и отвязаться от дальнейших расспросов, Кори съела кусочек цыпленка. Затем с недоуменной улыбкой взглянула на отца:

- Почему ты так решил?

- Потому, что ты выглядишь так, словно целый день провела в салоне красоты, а потом эта помада, розовая пудра, и еще... - Сдерживая смех, отец указал на ее глаза: - Что это у тебя на ресницах? Неужто тушь?

- А если мне захотелось хорошо выглядеть во время семейного ужина?

- Само собой, - сразу согласился отец и обратился к Мэри: - Сегодня я приезжал на ленч в клуб и случайно столкнулся там с бабушкой Спенса. Она играла в бридж в дамском игорном зале.

- Как самочувствие миссис Брэдли? - поспешно спросила Диана. Спенс сызмальства жил с бабушкой. Диана раскусила хитрость отца. Стараясь уберечь Кори от неизбежного поддразнивания, она добавила: - Я не встречалась с ней уже несколько месяцев.

- С ней все в порядке. Сегодня она была в ударе - и вполне понятно, ведь...

- Она так энергична для своих лет - верно, мама? - перебила отца Диана, но тот не сдавался.

- ...ведь Спенс явился домой на уик-энд, чтобы отпраздновать с бабушкой ее день рождения.

- Он такой приятный юноша, - заметила Роза Бриттон, - обаятельный и внимательный.

- И при этом обожает поло, - вставил дедушка с многозначительной улыбкой, глядя прямо на Кори. - Но самое главное, он - близкий друг Хэйуордов, верно? - Родственники воззрились на Кори с понимающими усмешками. Только Диана воздержалась.

- Беда нашей семьи в том, что мы уделяем слишком много внимания тому, что делают или думают остальные.

– Ты права, дорогая. – Дедушка любовно обнял девушку за плечи, когда она приподнялась, чтобы помочь бабушке убрать со стола. – Есть, когда нервничаешь, вредно. Почему бы тебе не подняться наверх и заново не накрасить губы – чтобы выглядеть так же неотразимо, как до ужина?

Кори с облегчением соскользнула со стула и отнесла тарелки в раковину, а затем направилась наверх. Обернувшись через плечо, она бросила Диане:

– Выезжаем через пятнадцать минут.

Диана кивнула, думая о Коуле.

– Бабуля, – начала она, – можно я возьму к Хэйуордам остатки цыпленка?

Бабушка немедленно разрешила, но сидящие за столом домочадцы обменялись недоуменными взглядами.

– Диана, – растерянно произнес отец, – зачем Хэйуордам понадобились остатки цыпленка?

– Это не для них, – пояснила Диана, открывая холодильник и вытаскивая несколько яблок и апельсинов, – а для Коула.

– Но при чем тут уголь[1 - Игра слов. Коул – уголь (англ.). – Примеч. пер.]? – в замешательстве спросил Роберт.

Диана рассмеялась.

– Нет, это имя – как у твоего друга Коула Мартина, – поправила она отца. Открыв дверцы стенного шкафа, девушка принялась исследовать его содержимое, одновременно продолжая: – Этот Коул работает на конюшне Хэйуордов и живет там. Он слишком худой – по-моему, ему жаль тратить на еду те небольшие деньги, которые у него есть.

– Несчастный старик, – пробормотал дедушка, словно исполнившись сочувствия к бедственному положению ровесника.

– Он не старик, – рассеянно возразила Диана, скользя взглядом по шеренгам банок с домашними консервами на полках. – Коул редко рассказывает о себе, но я знаю, что он учится в колледже и вынужден подрабатывать, чтобы закончить учебу. – Диана искоса посмотрела на бабушку, которая уже складывала жареные куриные грудки и тушеные овощи в большую пластиковую банку. – Бабушка, можно я возьму компот из персиков и немного варенья?

– Конечно, можно. – Миссис Бриттон вытерла руки и подошла к шкафу, чтобы помочь Диане. Расправив бумажный пакет, она положила туда три банки варенья.

– В прошлый раз, когда я угостила Коула твоим земляничным вареньем, – вспомнила Диана, – он сказал, что оно гораздо лучше конфет, а он без ума от сладостей.

Раздумываясь от этой похвалы изголодавшегося незнакомца, миссис Бриттон гордо присовокупила к угощению еще четыре банки земляничного варенья, а затем направилась к столу.

– Если он любит сладкое, пусть непременно попробует пирожки с черникой. Они очень полезные и питательные. – Бабушка взяла с блюда полдюжины пирожков. – Да, и обязательно угости его ореховым печеньем, которое я испекла вчера.

Когда бабушка разыскала второй бумажный пакет и снова шагнула к стенному шкафу, Диана остановила ее:

– Я бы не хотела, чтобы он считал это милостыней, бабуля. – Виновато улыбнувшись, она добавила: – Я убедил его в том, что у тебя фанатичное пристрастие к кулинарии и что у нас после каждого обеда остаются горы еды.

Дедушка поднялся, чтобы налить себе еще кофе, и усмехнулся, слыша объяснения Дианы. Обняв ее за плечи, он заметил:

– Коул сочтет нас либо безумцами, либо транжирами.

– Несомненно, – призналась Диана, не замечая, что родители уставились на нее с плохо скрытым изумлением. – Впрочем, было бы гораздо хуже, если бы он считал, что я занимаюсь благотворительностью, – призналась она с улыбкой, поднимая тяжелый коричневый пакет.

– Прежде ты ни словом не упоминала об этом парне, – спокойно заметил ее отец. – Кто он такой?

– Он? Ну, пожалуй... он совсем не похож на моих знакомых.

– Чем не похож? – продолжал допытываться отец. – Может, он бунтарь? Или ренегат? А может, просто недовольный?

Диана задумалась, остановившись в дверях.

– Наверное, он ренегат, но в хорошем смысле слова. Коул... – Она взглянула на родных и наконец закончила: – Особенный. Так мне кажется, и все. Он выглядит рано повзрослевшим и опытным. Он... словом, он не такой, как остальные, – неловко договорила она. Жизнерадостно взмахнув рукой, девушка поспешила уйти.

Воцарилось неловкое молчание. Через несколько минут ее отец обвел взглядом лица родственников:

– Жаль, но я предпочитаю других ее знакомых.

– Этот совсем не похож на них, – подхватила бабушка.

– Вот почему я уверен, что он мне не понравится.

– Роберт, – поспешила успокоить его жена, – это первый молодой человек, который понравился Диане, и потому ты немного ревнуешь. Вспомни, точно так же ты вел себя в прошлом году, когда Кори без умолку твердила о Спенсе.

– Теперь я к этому уже привык, – раздраженно возразил отец. – Мне и в голову не приходило, что увлечение Кори Спенсом затянется больше чем на месяц. А оно длится уже год и становится все сильнее.

– Кори влюблена в Спенса, – сухо заметила Мэри Фостер.

– Она решила это еще в тот вечер, когда они познакомились. А теперь уверена, что хочет выйти за него замуж. Ты давно заглядывала в ее спальню? Кори облепила фотографиями все стены. Она превратила комнату в святилище. Полнейшая нелепость!

Генри Бриттон разделял досаду зятя по поводу того, что в жизни девочек их заменили другие мужчины:

– Она скоро охладает, вот увидите. В четырнадцать лет девочки еще не влюбляются по-настоящему.

Его жена взяла карандаш, собираясь закончить простой, но элегантный эскиз трафарета, который она придумала, чтобы расписать стены в верхней ванной для гостей.

– Генри, я влюбилась в тебя, когда мне было четырнадцать.

Роберт Фостер потерял нить разговора. Уставившись на дверной проем, где несколько минут назад стояла его дочь, он произнес:

– Скажите, мне показалось, что Диана покраснела, когда заговорила об этом конюхе?

– О студенте колледжа, – невозмутимо поправила Мэри и ободряюще сжала руку мужа.

Слегка расслабившись, Роберт смущенно взглянул на нее:

– Просто насчет девочек я строю такие грандиозные планы... Я не хочу, чтобы они увлекались мальчиками очень рано – иначе вскоре они поймут, чего лишились, выйдя замуж совсем молодыми.

– Насчет Кори строить планы незачем, – возразила бабушка. – С этой задачей она уже справилась сама. Она хочет выйти замуж за Спенса и стать знаменитым

фотографом.

- Надеюсь, в обратном порядке, - хмыкнул Роберт.

Бабушка оставила его слова без внимания.

- А что касается Дианы, по-моему, она станет дизайнером интерьеров, а может, архитектором или писательницей. У нее немало талантов, но пока она не стремится проявить их. Не могу смотреть, как пропадает одаренность.

- Ее настоящий талант не пропадет, - возразил Роберт и, когда все выжидательно повернулись к нему, гордо заявил: - Хотя она и унаследовала артистическую натуру своей матери, но мозги ей достались мои. Со временем она найдет им достойное применение. Девочка всегда интересовалась бизнесом.

- Бизнес - это неплохо, - с улыбкой кивнула его жена.

- Очень неплохо, - подхватил дедушка.

Женщины переглянулись и поднялись.

- Мама, через полчаса стемнеет. Давай подумаем, как расставить столы.

Миссис Бриттон в замешательстве взглянула на мужчин:

- А вы уверены, что не хотите на десерт свежую землянику со сливками?

- Больше не могу съесть ни крошки, - объявил мистер Фостер.

- И я тоже, - подтвердил Генри Бриттон, поглаживая себя по животу. - Ты совершенно права насчет всех этих натуральных продуктов с низким содержанием жиров, Роза. Они вкусные и сытные, надо только к ним привыкнуть. А цыпленок сегодня удался как нельзя лучше. Ладно, девочки, ступайте во двор, займитесь делом.

Мужчины застыли в молчании, прислушиваясь к скрипу открывающейся двери, выходящей на задний двор. Едва дверь за женщинами закрылась, они вскочили. Роберт Фостер направился напрямик к холодильнику и вытащил картонный барабан французского ванильного мороженого, а Генри Бриттон бросился к одному из шкафов и достал оттуда яблочный пирог, купленный Гленной в булочной и припрятанный для мужской половины обитателей дома.

Вонзив нож в пышный пирог, Генри вскинул глаза на второго заговорщика:

– Большой кусок или средний?

– Большой.

Генри отрезал два увесистых ломтя и осторожно переложил их на тарелки, а Роберт в это время погрузил ложку в мороженое и извлек обратно целый айсберг.

– Одну ложку или две, Хэнк?

– Две, – твердо потребовал Генри.

Мужчины взглянули на Гленну, которая вытирала кухонные столы.

– Гленна, вы святая.

– Я предательница.

– Пока я жив, у вас не будет проблем с работой, – восторженно пообещал Роберт.

– Ваши жены уволят меня, едва узнают, на что вы меня толкаете.

– А мы снова найдем вас, – заверил ее Генри, смакуя запретное сочетание сахара и жиров. Вздохнув, он повернулся к зятю, на лице которого появилось выражение блаженства. – Я уж думал, Мэри с Розой нынче не уйдут отсюда. Боялся, что нам придется ждать, пока они не уснут, а затем совершить набег на кухню.

Мэри остановилась на лужайке, отвернувшись от кухонного окна, и продолжила обсуждать приготовления к завтрашнему приему.

– Так и сделаем, – наконец согласилась Роза. – Я позову Генри и Роберта помочь нам.

– Рано, – сухо возразила Мэри. – Они еще не справились с десертом.

Роза возмущенно подбоченилась:

– Что там у них сегодня?

– Яблочный пирог.

– Давно пора уволить эту Гленну. Помнится, Кончита и близко не подпускала ее к кухне.

Мэри покорно вздохнула и покачала головой:

– Гленна всего лишь выполняет приказы. И потом, они не дадут нам ее уволить. Не считая десертов, нам удастся держать их обоих на низкокалорийной диете – мне известно, что Роберт придерживается ее и за завтраком, и за ленчем. – Она начала подталкивать тяжелый стол, понемногу переставляя его в нужное место, и Роза поспешила ей на помощь. – Вчера врач сказал Роберту, что холестерин у него наконец-то стал снижаться, – добавила Мэри.

– А как у него с давлением?

– Лучше не спрашивай.

Глава 7

Манеж был слегка наклонным, вытянутым на тридцать ярдов вправо от конюшни. Его окружала невысокая белая ограда; огромные ртутные фонари заливали его ярким, почти дневным светом, отбрасывая мрачные тени на все, что оставалось за его пределами.

Со своего наблюдательного поста у стены конюшни Диана видела, как Спенс выхаживал великолепного гнедого. Спенс что-то сказал Кори, та засмеялась и зашагала рядом с ним, и Диана улыбнулась, довольная за сестру.

Вместо того чтобы делить Спенса с Дугом, Барб Хэйуорд, отцом Дуга и какой-нибудь из многочисленных и неизбежных подруг Спенса, как предполагали Кори с Дианой, Кори заполучила его целиком. В последнюю минуту Хэйуорды вспомнили о дне рождения родственника и поспешили нанести ему визит, а на Спенса приглашение не распространялось.

И для Дианы вечер выдался удачным. Коул оказался в ее полном распоряжении. Частые встречи с ним по поводам, которые отнюдь не выглядели надуманными, требовали от девушки немалой изобретательности, но самым трудным было скрывать чувства к Коулу от самого Коула и от остальных.

Почти все подружки Барб сходили с ума от Коула – высокого, загорелого, широкоплечего и узкобедрого. Каждый дюйм его мускулистого тела дышал силой и сексапильностью. Полное отсутствие хоть какого-нибудь положения в обществе, нехватка денег и работа в конюшне пролегли между Коулом и его поклонницами подобно непреодолимой пропасти. И вместе с тем делали его бесконечно притягательным.

Он отказывался рассказывать о себе, и эта скрытность придавала ему таинственность и обаяние.

Он был недостижим и потому еще более желанен.

Он не поддавался чарам томных взглядов, денег, дерзких выходок. И представлял собой достойную мишень.

Поскольку ни приказами, ни подкупом нельзя было развязать Коулу язык, девочки часами строили догадки насчет его семьи и оставшихся дома друзей, изобретали способы, чтобы помочь ему забыть и похоронить прошлое.

Они шли на все, лишь бы завладеть вниманием Коула, – от невинного флирта до вызывающих нарядов, от просьб осмотреть якобы вывихнутые щиколотки и сломанные запястья до попыток упасть к нему в объятия, когда он помогал им спрыгнуть с седла.

Диана наблюдала за реакцией Коула на попытки девочек кокетничать с ним и вскоре поняла: чем смелее попытка, тем беспощаднее отпор. Робких поклонниц он доводил до слез своими насмешками, снисходительно беседуя с ними менторским тоном. Более дерзких преследовательниц подвергал неделям холодного и отчужденного обращения. К сожалению, эти приемы заставляли поклонниц вновь искать способы завоевать расположение юноши.

Почти все девочки, которые бывали у Хэйуордов за последние два года, заявляли: они небезразличны Коулу. В этом году, в апреле, девять девочек поставили по десять долларов каждая, споря, кто из них первой поцелуется с Коулом. Диана воздержалась, заявив, что Коул ей ничуть не нравится, но вызвалась быть казначеем – и втайне помолилась, чтобы ей никогда не пришлось выдавать злополучный выигрыш победительнице. Этой же весной, чуть раньше, когда подруги Барб остались у нее ночевать, Барб объявила, что выиграла пари. В течение получаса она убеждала подруг, приводя приятно возбуждающие, со вкусом подобранные и маловероятные подробности об этом поцелуе и последовавших за ним ласках.

Диана чуть не вскипела от очередного описания еще одной страстной позы, но в эту минуту Барб рухнула на постель и захохотала.

– С первым апреля! – воскликнула она и была тотчас обстреляна воздушной кукурузой.

Как бы несчастлива ни была Диана, прежде чем Барб призналась в своей шутке, она не выдала себя – ни словом, ни гримасой. Ни до признания Барб, ни после.

Оглянувшись через плечо, Диана увидела, что Коул наполняет кормушку в последнем деннике, и поняла, что вот-вот он выйдет из конюшни и присоединится к ней. Она знала о Коуле гораздо больше, чем другие девочки, – потому что она одна проводила с ним достаточно много времени.

Диана могла с закрытыми глазами сказать, как солнечные лучи превращают его волосы в полированное эбеновое дерево; как внезапная белозубая улыбка смягчает резкие черты его лица, а в глазах искрится расплавленное серебро; она знала прикосновение его рук к талии – как-то раз Коул подкрался к ней сзади и, дурачась, подбросил в воздух, желая убрать с дороги. Девушка слышала неудержимую ярость у него в голосе, когда Коул вытаскивал из конюшни приятеля Дуга, беспощадно распекая его за то, что он вздумал курить в конюшне.

Еще Диана видела, как Коул принимал выводок котят, ласковым бормотанием утешая их мать, а потом буквально воскресил родившегося мертвым котенка, осторожно массируя ему грудь большим пальцем.

Диана наяву испытала некоторые ощущения, о которых другие девочки могли только мечтать, но между ней и остальными имелось два существенных отличия. Диана не стремилась превратить свои фантазии в реальность, и, кроме того, ей было ясно: мимолетная дружба с Коулом – все, на что она может рассчитывать.

Диана знала, что никогда не почувствует прикосновение его губ, не ощутит, как его руки сомкнутся у нее за спиной. Девушка слишком хорошо понимала: если Коул захочет поцеловать ее, она вряд ли сохранит здравый рассудок.

Коул не удосуживался заводить с ней осторожные разговоры или прибегать к сложной тактике – он считал Диану равной и не очень-то заинтересованной собеседницей. Но Диана не обольщалась: невозможно найти двух людей, столь разительно отличавшихся друг от друга.

Коул был грубоватым, порывистым и приземленным, а Диана – сдержанной, осмотрительной и безнадежно благопристойной.

Он принадлежал к миру мотоциклов, вытертых джинсов и многострадальных рюкзаков – выбранных ввиду необходимости самому прокладывать себе дорогу.

Неотъемлемыми составляющими ее мира были «БМВ», вечерние туалеты и соответствующий багаж – благодаря возможности придерживаться гладко заасфальтированных дорог.

Невзирая на свое философское отношение к ситуации, Диана вздохнула, глядя, как Кори шагает бок о бок со Спенсом. Охота на Спенсера Эддисона сулила Кори многочисленные разочарования и беды, но она с готовностью шла на этот риск. А Диана этого не могла и не хотела.

Коул закончил задавать лошадям корм и молча подошел к Диане, встав у нее за спиной.

– Я искренне надеюсь, что вздыхали вы не из-за Эддисона, – сухо проговорил он.

Диана виновато вздрогнула, мгновенно придя в волнение от его близости. Его голос был мрачным и страстным, как ночь; от него пахло мылом и свежим сеном; казалось, он нависает над ней – такой же непреодолимый и суровый, как горы на западе Техаса.

– Что вы имели в виду?

Подойдя поближе, Коул поставил ногу на нижнюю перекладину ограды и кивнул в сторону медленно приближающейся парочки:

– Мне неприятно видеть то, что встает между вами и Кори. Я никогда не встречал родных сестер, которые были бы так близки, как вы. А теперь мне совершенно ясно: Кори желает заполучить своего спутника с потрохами.

– Неужели это так заметно? – спросила Диана, вглядываясь ему в лицо, старательно не замечая, что рукав его рубашки касается ее плеча.

– Посмотрите на нее, когда Эддисон рядом, и сразу поймете, что у нее на уме.

От этих слов Диане стало не по себе, но она не могла сменить тему и потому проследила за его взглядом.

– Спенс – отличный наездник, – заметила она.

Коул пожал плечами:

– Да, он недурно ездит.

Диана знала Спенса с детства и потому пресекла попытку усомниться в его способностях:

– Он ездит не просто «недурно»! Все считают, что он способен стать профессиональным игроком в поло!

– Какое сокровище! – процедил Коул издевательским тоном, которого Диана прежде никогда не слышала от него. – Звезда футбольной команды колледжа, «профессиональный» игрок в поло и дамский угодник олимпийского масштаба!

– Зачем вы так? – спросила Диана, встревожившись за Кори.

Коул метнул в нее сардонический взгляд:

– Я еще никогда не видел Спенса без хорошенькой девушки, расточающей ему томные улыбки и благоговеющей перед ним – так, как благоговеете нынче вы с Кори.

– Я? – выпалила Диана, еле сдерживая смех. – Я?

Коул вгляделся в ее раздумавшееся лицо.

– Насчет вас я ошибся, – наконец признался он с усмешкой и повернулся к Кори и Спенсу, которые теперь не спеша двигались к конюшне. – Надеюсь, Кори легко отделается. Она чертовски крепко втюрилась в этого Эддисона. Сегодня она потратила на него целую пленку.

– Это еще ничего не значит, – покривила душой Диана. – Вы же знаете, как серьезно Кори занимается фотографией. Сейчас она работает над серией спортивных сюжетов, и поскольку Спенс ездит верхом...

– Он еще не сядил в седло, Диана.

Закусив губу, Диана помедлила, а затем смущенно спросила:

– Вы думаете, Спенс заметил, как она к нему относится?

У Коула вертелся на языке решительный ответ, но он не хотел тревожить Диану и теперь, когда понял, что она не принадлежит к армии обожательниц Эддисона, был готов проявить милосердие к ближнему.

– Если он и заметил что-нибудь, значит, внимание Кори его не раздражает – или же он слишком хорошо воспитан, чтобы ранить ее чувства.

Коул положил руки на ограду, и они с Дианой замолчали. Наконец Коул произнес:

– Если Эддисон тут ни при чем, тогда кто же тот счастливчик, при мысли о котором ваше сердце бьется сильнее?

– Джордж Сигурни, – пряча усмешку, ответила Диана.

– Этот Сигурни тоже наездник вроде Эддисона? Или же просто будущий студент колледжа?

– Мистер Сигурни – глава приемной комиссии Южного методистского университета. Он подписал мое заявление, чем заставил затрепетать мое сердце...

– Диана, это замечательно! – перебил ее Коул с ослепительной улыбкой. – Почему же вы не сказали мне об этом раньше?

«Потому что когда я рядом с тобой, все остальное не имеет значения», – мысленно отозвалась Диана.

– Просто ждала подходящего случая, – небрежно ответила она.

Коул удивленно взглянул на нее:

– Вы уже решили, в какой области будете специализироваться?

Диана покачала головой, и Коул продолжал покровительственным тоном мудрого взрослого:

– Не беспокойтесь об этом. У вас впереди уйма времени.

– Спасибо, – ответила Диана с улыбкой. – А как насчет вас? Вы уже решили, кем станете, когда подрастете?

Коул усмехнулся, услышав ее дерзкий вопрос.

– Угу, – кивнул он.

– И кем же вы станете?

– Богачом, – с непоколебимой убежденностью выпалил юноша.

Диана знала, что в колледже Коул изучал преимущественно финансовое дело, но подробности его замысла оставались для нее неизвестными.

– И у вас есть какой-нибудь план?

– Да, кое-какие идеи.

А в это время Спенс повернул лошадь к конюшне, и Кори поняла, что ее время истекло, прежде чем Спенс успел сказать:

– Мне пора.

Кори попыталась придумать какой-нибудь остроумный ответ, но рядом со Спенсом она теряла способность мыслить.

– Я пообещал Лайзе заехать за ней в девять, – добавил ее собеседник.

– Вот как? – упавшим голосом произнесла Кори. – Ты пообещал Лайзе?

– Разве она тебе не нравится? – удивленно осведомился Спенс.

Кори восхитилась непроходимая мужская тупость. К Лайзе Мерфи она питала в лучшем случае отвращение, и та отвечала ей взаимностью.

Месяц назад Кори с родными посетила состязания по верховой езде, проводившиеся в Сан-Антонио, и с удивлением и восторгом заметила среди зрителей Спенса. Поскольку она захватила с собой фотоаппарат, ей удалось сделать несколько превосходных снимков Спенса. Когда Лайза направила свою лошадь к конюшне, получив голубую ленту за выездку, Спенс двинулся за девушкой, и, естественно, Кори осторожно последовала за ними, надеясь еще несколько минут лицезреть предмет своего обожания.

В огромной конюшне было тесно от лошадей, конюхов, тренеров, владельцев и наездников, и Кори не сомневалась, что ее никто не заметит. Делая вид, что разглядывает лошадей, она медленно продвигалась вперед, останавливаясь, чтобы перемолвиться словечком с наездниками. Девушка почти достигла денника, отведенного для лошади Лайзы, когда Спенс двинулся наперерез ей на поиски кока-колы. Кори быстро отвернулась, и Спенс не заметил ее – но Лайза оказалась наблюдательнее. Большими шагами выйдя из денника, она остановилась лицом к лицу с Кори.

– Какого черта ты вертишься тут? – выпалила Лайза приглушенным, но исполненным негодования голосом. – Неужели ты не понимаешь, что выставляешь себя на посмешище, таскаясь за Спенсом по пятам? Немедленно убирайся отсюда и держись от него подальше!

Униженная, Кори вернулась на арену и присоединилась к родным на открытой трибуне, но держала фотоаппарат наготове – на случай, если Спенс появится снова. Ее предусмотрительность оказалась очень кстати: несмотря на то что Кори так и не увидела Спенса, она стала свидетельницей падения Лайзы в следующем заезде. Едва Лайза шлепнулась на мягкое место прямо в грязь – при этом у нее слетела шляпа и волосы закрыли лицо, – Кори успела снять несколько кадров. Один из снимков Кори полюбила особенно нежно и отвела ему постоянное место на стене своей спальни – несмотря на то что Спенса там не было.

Поскольку Спенс по-прежнему ждал ответа, она пожала плечами и безразлично произнесла:

– Я никогда не выделяла Лайзу среди твоих подруг.

– Почему это?

– Наверное, для тебя это не имеет значения...

– Нет, говори, – потребовал Спенс.

– Ну хорошо: она коварнее, чем двуглавая змея!

Спенс расхохотался и редким для него жестом явного расположения приобнял Кори за плечи. Кори пришла в такой восторг, что чуть не пропустила еще более удивительное зрелище: Диана стояла у ограды рядом с Коулом, и их руки почти соприкасались. К тому же Диана и привлекательный, но необщительный конюх Хэйуордов, по-видимому, были поглощены беседой.

Прежде Кори считала увлечение сестры невероятным, но сейчас преисполнилась уверенности: Диана влюблена в Коула. Кори лихорадочно принялась искать способ продлить их разговор, думая при этом, как бы подольше побыть наедине со Спенсером.

– Спенс, – вдруг выпалила она, – а ты не мог бы подвезти меня домой?

Он перевел взгляд с пары, стоящей у ограды, на свою спутницу:

– Разве Диана не захватит тебя с собой, когда соберется уехать?

– Так было задумано, – призналась Кори, а затем заговорщицки улыбнулась и кивнула в сторону ничего не подозревающей сестры. – Просто мне не хочется портить им вечер.

Спенс непонимающе уставился на нее, затем на Диану с Коулом, и недоверие у него на лице сменилось насмешливой улыбкой.

– Ты и вправду хочешь сказать, что Диана увлечена Коулом Гаррисоном?

– А ты считаешь это невозможным?

– Разумеется.

– Потому что он работает в конюшне? – Кори затаила дыхание, надеясь, что ее кумир предпочтет скрыть свой снобизм.

– Нет.

– Тогда почему же?

Спенс снова взглянул на Диану и покачал головой, усмехаясь:

– Неужели ты не понимаешь – из всех девушек на земле Диана в последнюю очередь способна заинтересоваться этим угрюмым, неотесанным типом. К тому же рядом с ним она робеет.

– Почему ты так уверен в этом? – спросила Кори, хотя в глубине души согласилась со Спенсом.

– Я превосходно разбираюсь в женщинах, – ответил ее собеседник снисходительно, – и к тому же не жалею на свою проницательность.

– Проницательность! – насмешливо повторила Кори, вспомнив, как уверенно Лайза Мерфи держит Спенса в своих коготках. – Что это за проницательность, если ты считаешь Лайзу лакомым кусочком?

– Мы говорим не про Лайзу, а про Диану, – любезно, но твердо напомнил Спенс.

Поскольку он явно не собирался верить в романтическое увлечение Дианы Коулом, Кори принялась спешно подыскивать другое объяснение, благодаря которому Диана могла бы остаться у Хэйуордов, а Спенс отвез бы саму Кори домой. Девушка выпалила единственный правдоподобный довод, который пришел ей в голову:

– Ну ладно, придется открыть тебе тайну: пару лет назад Диана упала с лошади и с тех пор боится ездить верхом.

– Знаю.

Всеми силами стараясь придерживать истину, Кори продолжала:

– А Коул считает, что ей надо преодолеть страх. Но ты ведь знаешь Диану: ей не нравится, когда кто-нибудь видит, как она нервничает или боится...

Наконец прозрев, Спенс ухмыльнулся.

– Диана берет частные уроки верховой езды! – пришел он к приемлемому, пусть даже и неправильному выводу. – Вот здорово! – Он кивнул на свой белый джип «Чероки», едва они приблизились к стоящей у ограды парочке. – Собери свои вещи – я подброшу тебя домой.

Кори кивнула и поспешила вперед – в надежде, что Диана не станет возражать и портить ее замысел.

– Спенс предложил подвезти меня домой, – объявила она, бросая на Диану умоляющий взгляд – такой красноречивый, что Коул прикусил губу, скрывая улыбку. – И теперь ты можешь пробыть здесь сколько захочешь.

Диана недовольно уставилась на нее. Лишившись компании Кори, она не могла и не хотела задерживаться с Коулом, но вместе с тем желала отправить Кори домой со Спенсом.

– Хорошо, – ответила она, решив уехать немедленно после сестры.

Пока Коул подхватывал поводья гнедого и вел в денник этого самого молодого обитателя конюшни, Диана наблюдала, как ее сестра и Спенс садятся в машину. Она смотрела на джип, пока его задние фары не исчезли за поворотом, а затем вошла в конюшню, чтобы забрать свою сумочку и ключи от машины. В дальнем конце длинного коридора Коул опустошал привезенный ею пакет, перекладывая угощение в маленький холодильник. Диана подошла поближе, чтобы попрощаться.

– До свидания, – произнесла она.

– Подождите немного, – сказал он, и у Дианы заколотилось сердце. – Если вы уедете так рано, вам придется тащиться следом за ними до самого дома, – добавил он с понимающей улыбкой, – что окончательно сконфузит Эддисона и чертовски рассердит Кори. Почему бы вам не задержаться и не разделить со мной эти припасы?

Диана приняла его приглашение с радостной улыбкой:

– Я уже поужинала, но с удовольствием составлю вам компанию.

– Только есть нам придется на коленях, – предупредил Коул.

– Предлагаю устроиться по-другому, – возразила Диана, выходя из конюшни.

Пока разогревались цыпленок и овощи, Коул разобрал пакеты, а затем наполнил свою тарелку аппетитными остатками чужого ужина и вышел из тесной кухни в коридор.

– Все готово, – произнесла Диана, потянувшись к выключателю. – Но если немного притушить свет, все будет выглядеть гораздо лучше – можете мне поверить. – Она выключила яркий свет в коридоре, и Коул остолбенел, пораженный ее достижением.

За каких-нибудь десять минут девушка превратила три охапки сена и лист фанеры в стол, накрытый пляжным полотенцем в красную, желтую и оранжевую полоску, взятым из багажника автомобиля. Посреди стола, между двумя керосиновыми лампами, висилась старая металлическая миска, наполненная сочными листьями гибискуса и ярко-оранжевыми бутонами.

– Очень мило, – пробормотал Коул.

Диана с улыбкой пожала плечами:

– Мама с бабушкой убеждены, что атмосфера за столом и сервировка делают вкусной даже самую скромную трапезу.

– Вероятно, они правы, – кивнул Коул, ставя тарелки с цыпленком и печеньем на импровизированный стол и садясь на приготовленную для него охапку сена. Само понятие «сервировка» оставалось для него тайной за семью печатями. Ему предстояло узнать сотни мелочей и правил, неотъемлемых принадлежностей богатства и успеха, но пока он был скорее заинтересован в приобретении богатства, нежели внешнего лоска, которым мог заняться позднее. – Я восхищен, – добавил он, вытянув длинные ноги вдоль стола. Диана уселась слева от него.

– Почему? – спросила она, отламывая кусочек печенья.

– Потому, что вы необыкновенная, – вырвалась у Коула.

Помимо всего прочего, его восхищали ум и сдержанность Дианы. Несмотря на мягкие манеры, она обладала поразительным остроумием, но шутила всегда так тонко, что проявления ее чувства юмора либо заставляли Коула врасплох, либо оставались незамеченными. Но больше всего в Диане Фостер ему нравилось демократичное отношение к нему, презренному конюху.

Она беседовала с дружеским интересом – неподдельным, но лишенным каких-либо заигрываний. За годы, пока Коул работал у Хэйуордов, почти все подруги Барбары пытались завязать с ним романтические отношения, которых он мудро и опасно избегал.

Но Диана Фостер была приятным исключением. Она не переставала удивлять Коула с самой первой встречи, а теперь это удивление непомерно возросло – потому что девушка смутилась и оробела, услышав искренний комплимент. Пытаясь уклониться от продолжения разговора, она подозвала одного из котят, которым помогала появиться на свет, и тот принялся ластиться к ней.

– Подумать только, как ты выросла, Саманта! – воскликнула Диана, подхватывая серую кошку на руки и угощая ее кусочком печенья. Коротконогий песик с черно-белыми пятнами, длинной шерстью и без малейших признаков какой-либо породы слонялся за Дианой по пятам весь вечер и теперь тоже получил лакомство. – Сидеть, Льюк! – приказала Диана и, когда песик с радостью повиновался, вручила ему заслуженную награду.

– Сколько же у вас дома кошек и собак? – спросил Коул, глядя, как Диана любовно перебирает спутанную шерсть песика.

– Мы не держим ни кошки, ни собаки.

Коул остолбенел. Когда в конюшне появились котята, Диана ухаживала за ними, играла и даже умудрилась найти для них хозяев – для всех, кроме Саманты: взять этого котенка Диана убедила Коула. Прошлой зимой она появилась здесь с тощей бродячей собачонкой в руках и уговорила Коула поселить на конюшне и ее.

– Я помогу вам выбрать для нее кличку, – пообещала она, пока Коул отговаривался, не желая обременять себя еще и псом. – Может, назовем его Льюком?

– Он больше похож на Ровера, – возразил Коул. – Или Кабыздоха.

– Если его хорошенько вымыть, он будет похож на Льюка.

Коул не устоял перед взглядом ее огромных зеленых глаз. Подхватив собачонку, он отправился на поиски металлической лохани и мыла от блох. Коул предположил, что дома у девушки уже и без того хватает животных.

Он ухватился за эту тему, чтобы помочь Диане избавиться от внезапного приступа робости.

– Котенок, разве вам никогда не говорили, что милосердие начинается дома? – строго осведомился он, вспомнив прозвище, которое придумал Диане.

Диана опустила Саманту на пол, усадила к себе на колени Льюка, а затем вопросительно взглянула на Коула:

– О чем вы?

– Почему это роль приемного родителя для беспризорного пса должен разыгрывать я, а не вы? Прежде я, разумеется, предполагал, что вы уже несете свое бремя, предоставив «приют для бездомных», и лишь потом обратились

ко мне.

Поджав под себя загорелую ногу, Диана уселась боком, чтобы гладить одновременно и Льюка, и Саманту.

– У моего отца аллергия на шерсть. Иначе, – объяснила она восхищенно уставившемуся на нее песику, – я принесла бы тебя прямо к себе домой! И ты спал бы в моей постели...

«Счастливым пес!» – неожиданно подумал Коул, наблюдая, как пятно света пляшет на стене за спиной Дианы, рассеивая мрак. Девушка обладала такой же способностью излучать свет и придавать прелесть всему, что ее окружало. «Когда-нибудь она превратится в удивительную женщину... и при этом изумительную красавицу», – решил Коул.

Ее волосы напоминали тяжелый шелк, а кожа всегда была нежной и свежей. С каждой их встречей Диана хорошела, ее кожа становилась все бархатистее, а глаза – ярче. Сейчас ее рост не превышал пяти футов и двух дюймов – девушка едва доходила Коулу до плеча. В желтых трикотажных шортах и такой же рубашке с V-образным вырезом она казалась богиней, с длинными стройными ногами, высокой грудью и тонкой талией. Она словно гипнотизировала Коула глазами. Он перевел взгляд с ее густых темных ресниц на мягкие полушария грудей, помедлив, чтобы полюбоваться гладкими щеками и нежными губами...

Осознав, что оценивает женские прелести невинного ребенка, Коул разозлился на себя за то, что думал о ней... и испытывал желание.

– Просто нелепо, что вы по-прежнему отказываетесь ездить верхом! – резко выпалил он. При звуках его голоса пес, кошка и девушка вздрогнули, но Коул был слишком раздосадован, чтобы сдерживаться. – Неужели у вас нет ни капли смелости?

Диана не верила своим ушам: Коул еще никогда не разговаривал с ней в таком тоне. Ей захотелось расплакаться, вскочить на ноги, подбочениться и потребовать объяснений. Но вместо этого она лишь пристально взглянула на юношу и спокойно отозвалась:

– Я не трусиха, если вы спрашиваете об этом.

– Нет, нет, я имел в виду совсем другое, – пробормотал Коул, чувствуя себя негодяем. Несомненно, Диана Фостер была одной из самых отважных, добрых и самостоятельных девушек, каких он только знал. – Признаюсь честно, впервые упав с лошади, я заплакал себе все глаза, – солгал он, пытаюсь утешить ее.

– Я не плакала, – покачала головой Диана.

– В самом деле? – насмешливо переспросил Коул.

– Да, это правда. Я не плакала даже тогда, когда вывихнула руку и доктор Полтрона вправлял ее.

– Умница, – похвалил Коул.

– Не совсем. – Диана вздохнула. – Я потеряла сознание.

Коул запрокинул голову и разразился хохотом, но вдруг посерьезнел и посмотрел на нее так нежно, что сердце Дианы гулко застучало.

– Не меняйтесь, – хрипло попросил он. – Оставайтесь такой, как сейчас.

Диане не верилось, что все это происходит наяву. Она не знала, чем закончится сегодняшний вечер, но не хотела, чтобы он заканчивался – по крайней мере пока.

– Я хотела бы немного подрасти, – неловко пошутила она.

Девушка выпрямилась и подняла голову, словно невольно побуждая Коула прикоснуться к ее улыбающимся губам.

– Хорошо бы, но в остальном не меняйтесь, – посоветовал он, пытаюсь не обращать внимания на ее соблазнительную позу. – Однажды появится какой-нибудь счастливчик и поймет, какое вы сокровище.

Услышав жизнерадостное предсказание Коула, Диана сникла. Опустив голову, она сняла с коленей собаку. Однако девушка не почувствовала за вежливым

замечанием Коула злого умысла, и искренне заинтересовалась его мнением.

– А если он будет мне безразличен?

– Исключено.

– Пока со мной не случилось ничего подобного. Кроме себя, я не знаю ни одной девушки, которая не была бы влюблена без памяти и убеждена, что хочет выйти замуж только за своего избранника. – Приподняв руку, она принялась считать, загибая пальцы. – Кори влюблена в Спенсера... Хейли – в Питера Митчелла... Дениза – в Дуга Хэйуорда... Мисси влюблена в Майкла Мерчисона... – Раздраженно махнув рукой, она закончила: – Перечислять можно до бесконечности.

Она выглядела такой подавленной, что Коул счел своим долгом исправить положение, прежде чем перевести разговор.

– Наверняка найдется хотя бы еще одна ваша ровесница, у которой хватает ума приберечь свои чувства для будущего. – Несмотря на то что Коул втайне считал Барбару Хэйуорд легкомысленной девчонкой, Диана не упомянула ее имени, и он решил подкрепить свой довод именно этим примером: – А как насчет Барб? За кого она рассчитывает выйти замуж?

Диана с отвращением подняла глаза к потолку:

– За Харрисона Форда.

– Так я и думал, – сухо заметил Коул.

– И потом, есть еще вы, – продолжала Диана, намекая на Валери и прекрасно понимая, что такая уловка отвлечет внимание Коула от нее самой.

– При чем тут я?

Он казался таким растерянным, что у Дианы проснулась надежда. Во время многочисленных бесед девушка узнала почти все о прекрасной блондинке из Джефферсонвилля.

– Я говорю о Валери.

– А, вот оно что! – Коул усиленно закивал, подстегнув любопытство Дианы.

– Вы давно не получали от нее вестей?

– Мы виделись несколько недель назад, на весенних каникулах.

Перед глазами Дианы мгновенно вспыхнуло яркое видение: Коул и Валери, бурно, страстно занимающиеся любовью на лоне природы под усыпанным звездами небом. В минуту слабости Диана взяла ежегодник лос-анджелесского Калифорнийского университета в главной библиотеке Хьюстона и выяснила, что Валери не только активный участник женского клуба, но и встречается с капитаном футбольной команды колледжа. К тому же Валери и вправду была высокая и красивая, не говоря уже о том, что возрастом и житейским опытом, несомненно, превосходила Диану. Валери обладала внешностью северной принцессы, а ее улыбка просилась на плакаты, рекламирующие зубную пасту. Диана предприняла воистину отчаянное усилие, чтобы не возненавидеть ее. Единственное, что отсутствовало у Валери, это хорошие оценки. По крайней мере у Дианы с Коулом было нечто общее: их средний балл составлял 3,9.

– С какими успехами Валери закончила семестр? – спросила Диана, снисходя до мелочного соперничества и презирая себя за это.

– Она решила пройти научную стажировку.

– Отлично, – пробормотала Диана. – Значит, она будет посещать летнюю школу и вы не увидите с ней, когда приедете домой?

– В таком случае я не поеду домой, – ответил Коул.

Именно так и предполагала Диана. Несмотря на то что она плохо знала, как жил Коул, прежде чем появиться в Хьюстоне, девушка сумела выяснить, что родом он из тexasского городка Кингдом-Сити, что у него нет родственников, кроме дяди и двоюродного брата пятью годами старше самого Коула. Вскоре Диана поняла: любая попытка вникнуть в подробности его прошлого наверняка приведет к оскорбительному ответу или завершению дружбы, которой она так

дорожила.

Коул поднес банку кока-колы к губам, и Диана принялась наблюдать, как играет золотистое пятнышко света на его загорелой шее, очерчивая контуры квадратного подбородка и твердой челюсти.

Диана надеялась, что Валери не станет пытаться превратить Коула в дрессированного лабрадора-ретривера, уничтожив прежнее сходство с пантерой. В девушке с рекламной улыбкой чувствовалось нечто разнящее их с Коулом. Диана не могла заставить себя судить о ней беспристрастно.

Коул отставил жестянку в сторону и осторожно взгляделся в лицо Дианы, на котором застыла жесткая, хозяйская усмешка.

– Не вашу ли кока-колу я ненароком выпил? – осведомился он.

Диана вынырнула из потока мечтаний и быстро замотала головой. Пора было уезжать... давно пора, поскольку сегодня ее здравомыслие и сдержанность куда-то улетучились.

– Я помогу вам убрать здесь, – пообещала она, поднимаясь и собирая тарелки и приборы.

– Мне надо готовиться к выпускным экзаменам, – начал он, потушив лампы и подхватывая посудину с оранжевыми гибискусами, – но мы успеем сыграть с вами партию в пинокль.

Затем он включил лампы в коридоре, и слепящий свет уничтожил последние романтические фантазии. В прошлом году Диана научила Коула играть в пинокль и преферанс – в один из тех чудесных и редких дней, когда Кори приезжала, чтобы поупражняться в верховой езде, а больше в конюшне никого не было. Теперь это счастливое время закончилось. Диана поняла, что отныне ее мечты перестали поддаваться контролю. Если бы сегодня Коул поцеловал ее, она забыла бы обо всех опасностях и позволила ему это сделать. Позволила? Да если бы он хоть немного поощрил ее, она сама поцеловала бы его! В последние несколько недель она была готова пойти на любой риск ради него, но с присущей ей чуткостью понимала: ее победа маловероятна.

– Вы чрезвычайно любезны, – с улыбкой произнесла она, оглянувшись через плечо.

– Для такого профессионального игрока, как вы, этой любезности маловато.

– К сожалению, мне и вправду уже пора.

– Понятно. – У него в голосе послышалось разочарование, и Диана с трудом поборолась искушение побыть с ним еще немного.

Неожиданно Коул повернулся и исчез в своей комнате. К тому времени как он вышел, чтобы проводить ее до машины, Диана успела сложить посуду в раковину и вновь обрела хорошее расположение духа. Девушка поздравила себя с очередной победой над собой, когда Коул протянул руку, открывая перед ней дверцу.

– Кстати... – произнес он, когда она собралась прощаться, – я слышал, как ваши подруги обсуждали чудесную вечеринку, которую устроили в вашу честь родители две недели назад.

Диана была слишком очарована улыбкой, приподнявшей уголки его губ, чтобы дать более или менее разумный ответ.

– Да, мне исполнилось шестнадцать лет.

– Знаю. – Он вдруг усмехнулся, услышав ее взволнованный голос. – Там, где я вырос, было принято по-особому отмечать шестнадцатилетие девочек...

Поцелуй! Он собирается поцеловать ее, решила девушка в радостном возбуждении. Она перевела взгляд с его искрящихся глаз на чувственные губы.

– Как же вы отмечали шестнадцатилетие девочек? – с дрожью спросила она, закрывая глаза.

– Дарил подарки! – торжественно провозгласил он, вытягивая из-за спины левую руку. Диана широко раскрыла глаза и схватилась за дверцу, глядя на унижительный сюрприз. Это был довольно большой сверток странной формы,

который Коул самостоятельно завернул в газету и перевязал шнурком. По-видимому, не замечая смятения девушки, он протянул руку: – Ну, открывайте!

Диана опомнилась, сверкнула притворной улыбкой и потянула за кончик разлохмаченного белого шнурка.

– На многое не рассчитывайте, – предупредил Коул, на лице которого вдруг появилась неуверенность.

Бумага упала на землю. Под ней оказалась надувная игрушка – белый кот в натуральную величину, с розовым язычком, зелеными глазами и ошейником с надписью «Меня зовут Пинкертон».

– Наверное, у вас уже есть десятки самых экзотических надувных зверей, – неловко добавил он, так и не дождавшись реакции Дианы. – По правде говоря, вы уже слишком взрослая для таких подарков.

Он был прав и в том и в другом, но для Дианы это не имело значения. Коул отказывал себе в самом необходимом, но в конце концов приготовил ей подарок. Диана бережно, словно бесценный фарфор, взяла обычную дешевую игрушку из рук юноши, а затем подняла ее перед собой в немом восхищении.

Коул вдруг понял, каким жалким выглядит его подарок в руках Дианы.

– Это просто шутка... сувенир... – оправдывался он и в удивлении осекся, когда Диана помотала головой и прижала надувного кота к груди.

– Спасибо вам, Коул, – прошептала она, прижавшись щекой к голове кота. Улыбнувшись, девушка окинула Коула сияющим взглядом: – Спасибо!

«Не стоит благодарности», – машинально подумал Коул, но невероятная теплота ее ответа на миг лишила его способности говорить и думать. Он молча закрыл дверцу, когда Диана опустилась на сиденье, и неподвижно застыл, наблюдая, как задние огни машины исчезают за поворотом длинной подъездной аллеи.

Глава 8

Через три часа после отъезда Дианы Коул наконец закрыл учебник экономики и отодвинул тетрадь со своими записями. У него болели плечи, голова раскалывалась. Продолжать заниматься было бессмысленно. Коул подготовился, чтобы выдержать выпускной экзамен, но хорошие оценки никогда не были для него самоцелью. Он жаждал знаний, чтобы добиться успеха.

Юноша рассеянно потер ноющие плечи, а затем запрокинул голову, закрыл глаза и принялся размышлять над письмом дяди Кэлвина. Оно пришло с утренней почтой, и вести были настолько хороши – нет, невероятно удачны, – что Коул заулыбался, делая круговые движения плечами, стараясь расслабиться.

Четыре года назад представители буровой компании разыскали Кэлвина и предложили ему контракт на десять тысяч долларов за право пробурить у него на участке пробную скважину. Первая попытка оказалась неудачной, но на следующий год компания рискнула еще раз, заплатив дядюшке еще пять тысяч долларов. Когда выяснилось, что и вторая скважина дает слишком мало газа, чтобы приносить значительную прибыль, компания сдалась.

Но совсем недавно агенты другой, более крупной фирмы нанесли визит дядюшке и попросили разрешения начать бурение на другом участке. Кэл предупредил, что они зря потратят время, и Коул его поддержал, но оба они ошиблись. В сегодняшнем письме Кэл сообщал: новая скважина оказалась мощнейшей и буквально «извергала деньги».

Потянувшись, Коул открыл глаза и достал толстый конверт, содержащий письмо дяди и копию контракта, который компания предложила подписать Кэлу.

По подсчетам Кэла, в следующем году ему предстояло получить двести пятьдесят тысяч долларов – Коул знал, что столько старый владелец ранчо не заработал за всю свою предыдущую жизнь. Разворачивая объемистый контракт, Коул с усмешкой размышлял о том, что по иронии судьбы из всех родственников Гаррисонов именно Кэлвину Патрику Даунингу выпала честь распорядиться неожиданно свалившимся богатством. Он был отчаянный сквалыга, и даже четверть миллиона долларов вряд ли смогли бы изменить его.

Вместо того чтобы потратить два доллара на междугородный разговор с Коулом по телефону и объявить ему фантастические новости, он отправил письмо и копию контракта обычной авиапочтой. Дядюшка пояснил, что он прислал Коулу договор потому, что «в буровой компании говорят – это стандартные контракты и их нельзя менять. По-моему, нет смысла платить какому-нибудь недоделанному юристу, который прочтет всю эту белиберду, только чтобы повторить мне ее слово в слово. При твоём университете есть школа права. Пусть кто-нибудь из студентов посмотрит договор, или прочитай его сам и предупреди меня, не готовит ли эта «Южная исследовательская компания» какой-нибудь подвох».

Таким уж был Кэл – донельзя бережливым. Мелочным. Скупым.

Дядя собирал купоны из газет, сам подстригал волосы, латал джинсы и выходил из себя, если приходилось платить лишнее пенни за фут проволоки, чтобы сделать загородку для цыплят. Больше всего на свете он ненавидел расставаться с долларом.

Однако он без колебаний отдал чек на десять тысяч долларов, полученных за бурение первой пробной скважины, чтобы Коул смог поступить в колледж.

А год спустя Кэл расстался со вторым чеком – на пять тысяч долларов.

Одиноким, наделенный бунтарской душой, Коул часто добирался на попутных машинах до ранчо Кэлвина и там находил понимание и дружеское участие – те чувства, на которые был не способен его отец. Только Кэлвин понимал его раздражение, верил, что мечты Коула сбудутся, и за это юноша любил его. Но от Кэлвина ему перепадали не только утешительные и ободряющие слова: Кэлвин давал ему деньги, чтобы у Коула было реальное будущее – яркое, многообещающее будущее вдали от Кингдом-Сити. Благодаря этому у Коула развилось обостренное чувство долга.

Контракт изобиловал юридическими терминами и занимал пятнадцать страниц, отпечатанных мелким шрифтом. На полях виднелись карандашные пометки самого Кэлвина, и Коул заулыбался, отмечая проницательность старика. Кэлвин бросил школу, но был заядлым книголюбом и посему постоянно расширял свой кругозор – вероятно, в этом он не уступал выпускнику колледжа. Но Коул не имел ни малейшего намерения разрешать дяде подписывать эти документы,

пока их не просмотрит компетентный юрист-практик. Конечно, Кэл был хитер, но Коул понимал: в этом случае старик будет играть не в своей лиге. За четыре года, проведенных в Хьюстоне, Коул узнал, что такое бизнес на самом деле. Он понимал, что стандартных контрактов, в которые нельзя вносить изменения, попросту не существует, и не сомневался, чьи интересы обычно защищает составитель любого договора.

Завтра, когда Чарльз Хэйуорд вернется из деловой поездки в Филадельфию, Коул выяснит у него имя самого известного юриста в Хьюстоне, занимающегося договорами на добычу нефти и газа. Ни для кого не секрет, что хозяин Коула сколотил состояние на нефти. Хэйуорд наверняка знает, с кем можно посоветоваться, и не откажет своему служащему в рекомендации.

В отличие от множества высокопоставленных персон, которых Коул повидал за время работы, Чарльзу Хэйуорду были чужды напыщенность и самодовольство. В свои пятьдесят лет он оставался энергичным, трудолюбивым, прямым и беспристрастным. У него имелись четкие представления обо всем – начиная с прислуги и заканчивая родственниками и лошадьми. Те, кто не оправдывал его ожиданий – будь то служащие или охотничьи собаки, – вскоре покидали его дом, но к тем, кто соответствовал его требованиям, Чарльз относился с уважением. Находясь дома, он каждый вечер посещал конюшню и проходил по широкому коридору, раздавая морковь и дружески поглаживая великолепных коней, размещенных в ультрасовременных денниках.

Со временем он все больше проникался симпатией к Коулу с его неустанными заботами о лошадях, и в конце концов между мужчинами завязались своеобразные приятельские отношения. Навещая своих обожаемых животных, Хэйуорд часто оставался попить кофе и поболтать с Коулом, и постепенно стал для юноши наставником, особенно в двух областях, больше всего интересовавших Коула: бизнес и деньги.

Когда разговор переходил на эти темы, Чарльз выказывал проницательность, блестящий ум и сметку. В сущности, Коул обнаружил, что единственным уязвимым местом этого человека является его семья. Первая жена Хэйуорда и их единственный ребенок погибли в авиакатастрофе двадцать пять лет назад, и горе Хэйуорда было столь глубоким и неутешным, что его друзья до сих пор упоминали об этом лишь шепотом, да и то когда собирались в конюшне.

Семнадцать лет назад Хэйуорд снова женился, и молодая жена подарила ему погодков – сына и дочь. Судя по всему, Чарльз был без ума от своей Джессики – и ее, и детей он обеспечивал всем самым лучшим, что только можно купить за деньги, – и, по-видимому, непоколебимо верил, что они в конце концов оправдают все его надежды и чаяния.

Коул мог бы привести своему наставнику несколько горьких, но неопровержимых доказательств того, к чему приводят чрезмерная снисходительность к детям и доверие к неверным женам.

По личным наблюдениям и опыту Коул знал, что Джессика Хэйуорд – ослепительная, избалованная, безнравственная сорокалетняя сука.

Ее пятнадцатилетняя дочь Барбара так трепетала и благоговела перед матерью, что выросла совершенно бесхарактерным подобием Джессики; к тому же материальные блага, которыми осыпал ее Чарльз, и роскошь, которую ей не приходилось заслуживать ни отличными оценками в школе, ни чем-нибудь другим, только усиливали беспомощность девочки.

Дуг Хэйуорд был обаятельным шестнадцатилетним повесой, но Коул не считал, что он надежен. Время от времени Коул видел в нем прямоту и острый ум Чарльза Хэйуорда. Дуг мог похвастаться лишь средними оценками, но показатели тестирования у него были очень высоки.

Взглянув на часы, Коул увидел, что близится полночь, потянулся и зевнул. Выйдя в коридор, он в последний раз обошел конюшню, убеждаясь перед сном, что в его владениях все в порядке.

Глава 9

Джессика Хэйуорд сошла с тренажера в кабинете, примыкающем к большой спальне, и накинула на плечи полотенце. Одета в тонкие белые шорты и облегающий красно-белый топ, она направилась в спальню, испытывая прилив энергии, беспокойство и тоску одиночества. Ее муж должен был вернуться домой только на следующий день, но даже будь он здесь, он не смог бы дать

Джессике то, о чем она мечтала.

Она жаждала секса – бурного, грубого, захватывающего, требовательного, страстного секса, а не вялого, вежливого и предсказуемого акта, который Чарльз называл «занятием любовью». Джессике хотелось отнюдь не любви, а безумия – и не с Чарльзом...

Она мечтала о Коуле.

Досадуя на собственное неукротимое влечение к надменному, грубому, неотесанному служащему, Джессика подошла к бару, встроенному в шкаф, и вытащила из холодильника бутылку дорогого шардонне. Затем она наполнила бокал с золотым ободком, неторопливо добрела до окна и уставилась на лужайку за домом и конюшню, видневшуюся слева. Закрыв глаза, она воскресила в памяти облик Коула – его широкие плечи, бугрящиеся мускулами, кожу, по которой струился пот, пока он входил в нее с неистовой силой. Такую силу Джессика предпочитала всему остальному.

От соблазнительных воспоминаний у нее невольно напряглись бедра, и она залпом осушила бокал, отвернувшись от окна. Стащив с шеи полотенце, Джессика помедлила – настолько, чтобы успеть вытереть волосы, а затем взяла бутылку вина, еще один бокал и вышла из спальни.

Дверь комнаты дочери была закрыта, но в щель у пола пробивалась полоска света, и Джессика крадучись прошла по коридору к задней лестнице.

Стояла жаркая и душная ночь, напоенная острым ароматом гардений, цветущих на клумбах. На плиты дорожки, ведущей к конюшне, падал лунный свет, но Джессика не заблудилась бы даже в кромешной темноте – слишком уж часто она совершала такое путешествие в мечтах и наяву. Балансируя с бутылкой и двумя бокалами, она скользнула в боковую дверь конюшни, блаженно вздохнув, когда волна воздуха, разгоняемого кондиционером, коснулась ее влажной кожи.

Не удосужившись включить в коридоре верхний свет, она бесшумно завернула за угол и остановилась перед дверью комнаты, с наслаждением наблюдая, как Коул стащил через голову рубашку и отбросил ее в сторону. Мягкий отблеск лампы, стоявшей на письменном столе, играл на перекатывающихся мускулах

его плеч и спины, и когда Коул потянулся к поясу джинсов, у Джессики участилось дыхание.

Возможно, этот чуть слышный звук насторожил Коула, поскольку он резко обернулся и устремил на женщину взгляд, в котором тревога сменилась раздражением.

- Черт, как ты меня напугала, Джессика!

Подняв бутылку и бокалы, Джессика вошла в комнату как в свою собственную – впрочем, комната действительно принадлежала ей.

- Я увидела в твоём окне свет и, поскольку, похоже, заснуть сегодня не удастся никому из нас, решила поделиться с тобой вот этим...

- Честно говоря, я устал и вряд ли буду страдать бессонницей.

- Незачем так сразу давать мне отпор, – заявила Джессика, присаживаясь на край стола. Она забросила ногу на ногу и покачала сандалией, повисшей на кончиках пальцев с ярко-красными ногтями. – Мы не виделись целую вечность – вот я и решила нанести тебе визит, – добавила она, поворачиваясь и наполняя оба бокала.

- И это все? – саркастически переспросил Коул, созерцая тесный и не слишком скромный топ, откровенные шорты и призывную улыбку. Он решительно протянул руку за рубашкой, но Джессика покачала головой, а ее улыбка стала жесткой и решительной.

- Не надо одеваться, дорогой. Мне нравится твой вид.

- Джессика, – резко прервал Коул, – не стоит начинать все заново. Все кончено, завершено, забыто! Говорю тебе, я устал.

- Как невежливо ты разговариваешь с хозяйкой! – отозвалась она, соскользнув со стола и потянувшись к его щеке.

- Черт побери, хватит! - взорвался Коул, уворачиваясь от женщины. В качестве последнего средства он приготовился силой выставить Джессику вон, но не хотел прикасаться к ней, опасаясь воспламенить этим прикосновением ее крутой нрав или - еще хуже - страсть. Позади него стояла кровать, и, отказавшись прибегнуть к физической силе, чтобы отстранить Джессику, он очутился в ловушке. Женщина сразу заметила это и шагнула вперед с победной улыбкой на лице.

- Джессика... - мрачным голосом предостерег Коул. - Ты ведь замужем!

- Знаю, - отозвалась она, снимая топ и швыряя его на постель.

- Мне нравится твой муж, - продолжал Коул, безуспешно пытаясь обойти ее.

Джессика окинула его удивленным взглядом широко раскрытых глаз и завела руки за спину, расстегивая бюстгальтер.

- И мне тоже, - кивнула она.

Если бы положение Коула не было столь унижительным и безвыходным, он посмеялся бы над нелепостью ситуации: красивая женщина раздевается перед ним, своим телом преграждая ему путь к бегству, и при этом невинным тоном уверяет, что любит своего мужа.

- Сегодня я не расположен к стриптизу, - предупредил он.

- Ничего, скоро мы это поправим, - пообещала Джессика, спуская с плеч бретельки.

- А тебе известно, что такое супружеская верность? - поинтересовался он, удерживая бретельки, чтобы они не соскользнули с рук Джессики.

- Я всегда верна Чарльзу, когда он в городе, - возразила Джессика, и у нее жарко вспыхнули глаза, а ладони коснулись густых темных волос у него на груди. - Только сегодня его здесь нет, а ты есть. Мне скучно.

- Тогда найди себе хобби, - посоветовал Коул, стискивая ей пальцы.

Она разразилась низким гортанным смехом, крепко обвила руками его шею и прижалась к нему животом.

Коул не испытал ни малейшего возбуждения, но окончательно утратил сдержанность и терпение.

– Предупреждаю тебя, – прошипел он, хватая ее за запястья и с силой разжимая их, чтобы высвободиться, – не доставляй лишние неприятности нам обоим.

Джессика игриво задела его бедром, и очередной хриплый смешок подсказал Коулу, что она умышленно извратила его слова.

– Я бы не назвала эти «неприятности» лишними...

Вспышка дневного света внезапно ворвалась в комнату – кто-то включил лампы в коридоре, и, чтобы Джессика не вскрикнула, Коул зажал ей рот ладонью.

– Коул! – донесся звучный голос Чарльза Хэйуорда. – Я увидел у тебя свет и решил взглянуть на нового обитателя нашей конюшни. Что ты скажешь о нем?

Губы Джессики задрожали, а глаза от ужаса стали огромными.

– Сейчас выйду! – крикнул в ответ Коул, отводя руку от лица Джессики.

– О Господи! Я должна выбраться отсюда! – простонала Джессика, мгновенно съежившись.

Она так тряслась, что Коул мог бы пожалеть ее – если бы они оба не оказались в щекотливом положении по ее вине. Судя по прежним ночным визитам хозяина сюда, в конюшню, Коул знал, что Чарльз Хэйуорд должен был зайти в крохотную кухню и приготовить себе чашку растворимого кофе, а затем в компании Коула пройтись по конюшне, обсуждая каждого обитателя денников. С годами такие встречи превратились в приятный ритуал для мужчин, и обычно Коул наслаждался посещениями хозяина – особенно когда тот задерживался и разговор переходил на другие темы. Хэйуорд был начитанным человеком и обладал эрудицией в разных областях... среди которых не значились прихоти

его жены.

– Выслушай меня! – проговорил Коул приглушенно и торопливо, сунув топ Джессики ей в руки. – Он на кухне, готовит себе растворимый кофе.

– Значит, единственный выход отсюда закрыт! – выдохнула она. – Я в ловушке!

Коул пропустил эту фразу мимо ушей.

– Не паникуй заранее, – предупредил он. – Я закрою дверь в комнату, и он не увидит тебя.

– Я должна вернуться в дом!

– Коул! – снова крикнул Чарльз. – Хочешь кофе?

– Нет! Нет, спасибо, – отозвался Коул, пятась к двери и загораживая собой комнату, посреди которой стояла полураздетая женщина с диким взглядом, прижимая к груди топ.

Коул закрыл за собой дверь и, босой, обнаженный до пояса, вошел на кухню, где Чарльз как раз заканчивал размешивать кофе.

– Ну, так что же ты скажешь о новом жеребце для поло? – спросил Чарльз, с выжидательной улыбкой глядя на Коула.

– Он недурен, – ответил Коул, а затем неловко пошутил: – Не знаю, насколько хорошо он играет в поло, но жеребец он превосходный. – Денник коня находился неподалеку от комнаты Коула, и он опасался, что Джессика попытается улизнуть из комнатки и попадет. – Не хотите ли посмотреть переднюю ногу гнедой кобылы? – предложил он, стремясь увести Чарльза в дальний конец конюшни.

Чарльз встревожился и немедленно последовал за Коулом.

– А что у нее с ногой?

- Она повредила ее вчера, когда брала барьер.

- Кто сидел в седле? - спросил Чарльз, все симпатии которого были на стороне великолепной охотничьей кобылы, его любимицы.

- Барбара, - нехотя ответил Коул.

- Так я и думал, - процедил Хэйуорд с гримасой отвращения. - Я стараюсь быть терпеливым с Барб, но до сих пор она ничему не научилась как следует - если не считать болтовни по телефону с мальчиками. Вот это у нее получается прекрасно!

Коул молча открыл тяжелые дубовые ворота, и Чарльз вошел следом за ним. Передав Коулу свою чашку с кофе, он склонился, желая осмотреть перевязанную ногу крупной кобылы.

- Опухоль не так уж велика, - заметил он. - Твоя мазь пахнет омерзительно, но очень эффективна. Тебе следовало бы стать ветеринаром, - добавил он, выпрямляясь быстрее, чем хотелось бы Коулу, и на прощание потрепав кобылу по шее. - Никогда еще не видел человека, который умел бы лучше обращаться с лошадьми.

- Они возненавидели бы меня, если бы мне пришлось их лечить, - рассеянно произнес Коул, выглядывая в коридор. У него перехватило дыхание, едва Джессика появилась в дверях его комнаты. Она стремглав промчалась по коридору, прижимая к голой груди красно-белый топ. Коул повернулся, чтобы преградить Чарльзу Хэйуорду выход из денника, и задел чашкой его руку. Кофе расплескался и забрызгал рубашку Чарльза.

- В чем... - произнес Хэйуорд, а затем подавил удивленный возглас и стряхнул с рубашки капли.

- Прошу прощения, - произнес Коул.

- Ничего страшного, я приготовлю еще. Почему бы тебе не поводить новичка на длинной корде и не посмотреть, каков он в работе? В Мемфисе я наблюдал за ним всего полчаса - да и то в деннике, поскольку больше у меня ни на что

не хватило времени. – Уставившись на Коула, он вдруг спросил изменившимся голосом: – Что случилось? Ты все время нервничаешь.

Коул отрицательно покачал головой, сопровождая Чарльза в коридор, и уже поверил, что Джессика благополучно сбежала, а ее сегодняшняя выходка останется безнаказанной. Но его облегчение было преждевременным.

– Как странно! – проговорил Чарльз Хэйуорд, проходя мимо комнаты Коула. – Я видел, как ты закрыл за собой эту дверь, когда вышел ко мне.

– Вероятно, она распахнулась сама... – начал Коул, но осекся: Хэйуорд вдруг застыл на месте, изумленно уставившись на что-то внутри комнаты.

– Насколько я понимаю, ты развлекался, а я тебе помешал, – с расстановкой произнес Хэйуорд. – И теперь твоя подружка сбежала или спряталась...

Проследив за его взглядом, Коул увидел на полу, у кровати, белый кружевной бюстгальтер, но не успел он отреагировать, как Чарльз заметил более серьезную улику, и его удивление сменилось осуждением, а затем гневом.

– А ведь это мои бокалы, – заявил он, шагнул вперед и повернул бутылку вина, чтобы разглядеть этикетку. – И любимое вино Джессики...

– Я одолжил... нет, я украл их, – торопливо произнес Коул, пытаюсь предотвратить неизбежное, даже когда Хэйуорд направился к задней двери конюшни, выглянул наружу и заметил белое пятно, быстро удалявшееся по направлению к дому.

– Сукин сын! – взорвался Хэйуорд, оборачиваясь и выбрасывая вперед правую руку. Он угодил кулаком в челюсть Коула с сокрушительной силой. – Ублюдок!

Джессика вбежала в дом и бросилась вверх по лестнице к себе в комнату, но, выглянув в окно, заметила, что ее муж бежит от конюшни к дому.

– О Господи! – выдохнула она, с ужасом чувствуя, что ее удобная и привычная жизнь дает трещину. – Что же делать? – прошептала она, дико оглядываясь в поисках хоть какого-нибудь способа избежать беды.

В своей комнате Барбара прибавила громкость стереосистемы, и ее мать осенило.

– Барбара! – крикнула Джессика, вбегая в комнату дочери и запирая за собой дверь.

Барбара ошарашенно подняла голову от журнала, и на ее лице отразилась тревога.

– Мама, что случилось?

– Ты должна помочь мне, дорогая! Делай только то, что я скажу, и не задавай вопросов. Вот увидишь, игра стоит свеч...

Глава 10

Даллас, 1996 год

– Добрый день, мистер Гаррисон, примите мои поздравления, – произнес охранник, когда лимузин Коула вплыл в главные ворота ухоженной территории компании «Объединенные предприятия» площадью пятьдесят акров, расположенной неподалеку от «Э-Системс» Росса Перо.

Четырехрядное шоссе извивалось по невысоким округлым холмам среди деревьев, тянулось мимо массивного фонтана и искусственного озера. В хорошую погоду служащие, работавшие в семи вытянутых корпусах с зеркальными окнами, соединенных закрытыми переходами, часто собирались у фонтана в обеденный перерыв.

Лимузин плавно скользнул мимо одного из административных корпусов и здания исследовательской лаборатории, к которому торопливо шагали трое мужчин в белых халатах, увлеченных бурным спором. Наконец автомобиль затормозил перед входом с лаконичной табличкой «Дирекция».

– Поздравляю, мистер Гаррисон, – произнесла секретарь, едва Коул вышел из лифта на шестом этаже.

Коул ответил коротким, деловитым кивком и прошел через приемную, отделенную от кабинетов стеной с тиковыми панелями и эмблемой корпорации на них. Посетители наслаждались роскошью и комфортом бледно-зеленых кожаных диванов, окруженных пушистыми восточными коврами, изящных столиков розового дерева и оригинальных вещиц, инкрустированных перламутром или отделанных бронзой.

Не замечая сдержанной роскоши приемной, Коул повернул направо и зашагал по устланному ковром коридору к своему кабинету, смутно осознавая, что вокруг стоит непривычная тишина.

Когда Коул проходил через конференц-зал, его остановил глава отдела по связям с общественностью Дик Роуз:

– Коул, ты не мог бы зайти к нам на минутку?

Едва Коул шагнул в многолюдную комнату, раздались громкие хлопки открываемых бутылок шампанского и сорок служащих разразились аплодисментами в честь последней сделки корпорации – приобретения прибыльной электронной фирмы с щедрыми правительственными контрактами и новым компьютерным чипом, проходившим испытания. Компания «Кушман электроникс», принадлежащая двум братьям, Кендоллу и Прентису Кушман, была предметом притязаний сразу нескольких крупных фирм, и битва, широко освещаемая прессой, оказалась жестокой и кровопролитной. Сегодня «Объединенные предприятия» праздновали победу, а средства массовой информации словно обезумели от этой новости.

– Поздравляем, Коул, – произнес ревизор компании Корбин Дрисколл, вкладывая бокал шампанского в ладонь Коула.

– Речь! – выкрикнул Дик Роуз. – Мы требуем речь! – настаивал он шутливым тоном человека, который считает своим долгом сделать так, чтобы все чувствовали себя свободно и происходящее представлялось в розовом свете, но при этом слишком много пьет. У него в голосе особенно отчетливо слышалась фальшивая нотка, поскольку дружеских отношений между дирекцией

и рекламным отделом корпорации попросту не существовало.

Коул нетерпеливо взглянул на него, смягчился и выдал «речь».

– Леди и джентльмены, – объявил он с короткой заученной улыбкой, – мы только что потратили сто пятьдесят миллионов долларов на приобретение компании, которая не будет стоить и половины этой суммы, если мы не выведем на рынок новый компьютерный чип. Предлагаю всем вам обдумать способы свести до минимума наши потери, если таковое произойдет.

– А я надеялся на речь, которую можно было бы процитировать в прессе, – заметил Роуз. – Мой телефон еще никогда так не раскалялся от звонков – с тех самых пор, как два часа назад было сделано объявление.

– Сочинение выигранных цитат для средств массовой информации – твоя работа, Дик, а не моя, – возразил Коул, повернулся и направился к себе в кабинет, оставив Дика Роуза сникшим от такого выговора, а остальных сотрудников – слегка приунывшими.

Вскоре толпа рассеялась, и в конференц-зале задержались только Роуз, его новая заместительница Глория Куигли и Корбин Дрисколл.

Первой заговорила Глория. Высокая, белокурая, эффектная, в свои тридцать лет она была самым молодым, лишь недавно получившим назначение членом дирекции компании.

– Какая досада! – с раздраженным вздохом проговорила она. – Уолл-стрит гудит, как улей, потому что «Объединенные предприятия» отбили компанию Кушманов у международной корпорации Мэтта Фаррела и других крупных соперников. Мы пребываем в состоянии эйфории, младший персонал чуть не лопается от гордости, обслуга, вероятно, танцует джигу, – продолжала она, – а человеку, который руководил операцией, похоже, на все наплевать!

– Ты ошибаешься, – возразил Дик Роуз. – Вот проработаешь здесь полгода и поймешь: несколько минут назад ты лицезрела Коула Гаррисона в состоянии глубокого удовлетворения. Признаться, таким счастливым я его еще никогда не видел.

Глория недоверчиво оглядела мужчин:

– Как же он выглядит, когда недоволен?

Корбин Дрисколл покачал головой:

– Лучше бы тебе этого не знать.

– Он не может быть так страшен, – не сдавалась Глория.

– Ты считаешь? – насмешливо откликнулся Корбин и указал на свои густые, безукоризненно уложенные седые волосы. – Два года назад, когда я только начал работать с Коулом, у меня не было ни одного седого волоска. – Его собеседники рассмеялись, а Корбин добавил: – Щедрое, соблазнительное жалование и прочие блага имеют свою обратную сторону.

– Какую? – поинтересовалась Глория.

– Например, телефонные разговоры в полночь – только потому, что у Коула возникла новая идея и он желает, чтобы его служащие воплотили ее в жизнь, – объяснил Дик Роуз.

– Тебе не мешает научиться укладывать чемодан и успевать на самолет, когда о поездке сообщают за час до вылета – да еще в выходной день, – добавил Корбин. – Для наших сотрудников не существует ни часов, ни календарей.

– В выходной день? – в притворном ужасе воскликнула Глория. – Мне придется отключать автоответчик начиная с пятницы!

– Хорошо, что ты напомнила, – перебил Роуз с кривой усмешкой, полез в карман и вытащил небольшой черный предмет. – Вот тебе подарок – заменитель автоответчика и свидетельство того, что ты занимаешь здесь весьма высокий пост.

Глория машинально подставила ладонь, и Роуз положил на нее пейджер.

– Добро пожаловать в «Объединенные предприятия», – сухо произнес он. – Если ты не лишена сообразительности, то не расстанешься с ним ни на секунду – ни днем, ни ночью.

Все рассмеялись, но Глория поняла: принявшись за новую работу, ей придется смириться с многочисленными требованиями начальства. И этот вызов придавал новому занятию немалую привлекательность.

До того как Глория ушла из далласской фирмы и поступила в «Объединенные предприятия», она читала статьи об агрессивном, загадочном предпринимателе, вошедшем в историю благодаря созданию очень крупного и невероятно прибыльного концерна. В то время его основателю еще не было и тридцати.

На личном опыте Глория уже убедилась, что Коул – суровый и требовательный хозяин, надменность и высокомерие которого начисто исключают фамильярность даже со стороны старших сотрудников.

Казалось, он не боится нажать врагов, не заботится о своем имидже и вместе с тем ревностно отстаивает интересы компании.

Служба работы с клиентами была объектом его личного и самого пристального внимания. Благодаря непомерно высоким требованиям Коула «Объединенные предприятия» могли справедливо гордиться этими службами в каждой компании корпорации. Каким бы ни был вновь приобретенный филиал – погрязшая в долгах фармацевтическая фирма, небольшая сеть кафе или крупная текстильная компания, – первым делом Гаррисон отдавал своей «команде захвата» приказ довести службу работы с клиентами до высочайших стандартов, принятых на «Объединенных предприятиях».

– Коул – неразрешимая загадка для всего делового мира, в том числе и для своих служащих, – произнесла Глория, размышляя вслух. – Никто и ничего не знает о нем наверняка. Я стала интересоваться им с тех пор, как его имя замелькало в заголовках статей – еще в период присоединения «Эри пластикс» два года назад. Мне говорили, что кандидаты на присуждение ученой степени в финансовом деле обязаны знать его технику слияния предприятий.

– Ну, с «Эри пластикс» все обстояло довольно просто. Могу подробно объяснить тебе, что же происходило здесь на самом деле, и тебе будет незачем добиваться

ученой степени, – с усмешкой заявил Корбин.

Глория выжидательно уставилась на него:

– Будь любезен.

– Коул добивается успеха потому, что истощает запасы времени и денег у конкурентов. Когда другие фирмы решают скупить ту или иную компанию, они сравнивают ценность приобретения с затратами времени и денег. Если затраты слишком высоки, они не рискуют и идут на попятную. Такова укоренившаяся практика всех преуспевающих корпораций мира. Так ведут игру соперники Коула. Пока кипит битва, они то и дело вновь прикидывают все «за» и «против», а затем пытаются предсказать следующий ход противника.

Но Коул совсем другой. Он не остановится, пока не получит желаемое – во что бы то ни стало. Конкуренты уже раскусили его тактику, но благодаря этому Коул получил еще одно преимущество: другие потенциальные покупатели просто уходят с его дороги, предпочитая не наживать неприятности и не тратить деньги на борьбу с ним. Вот этот метод и является главным оружием Коула.

– А как насчет «Эри пластикс»? После этой сделки Коул стал живой легендой.

Корбин кивнул:

– В случае с «Эри пластикс» первоначально имелось пять претендентов, но мы заявили о себе первыми. Совет директоров «Эри» согласился на наше щедрое предложение, но, когда в игру вдруг вступили другие компании, решил воспользоваться конкуренцией, чтобы поднять цену. Концессии и цена, которые потребовала «Эри», росли до тех пор, пока три фирмы поменьше наконец не отказались от своих намерений. В игре осталась лишь международная корпорация и мы, но едва другие конкуренты самоустранились, международная корпорация заинтересовалась покупкой другой компании. И претендентом на «Эри» остались только мы. В тот день Коул отомстил совету «Эри», резко снизив изначальную сумму. Возмущенные вопли «Эри» разнеслись по всей Уолл-стрит. К компании отнеслись с сочувствием, однако новых предложений больше не поступило: на такие покупки и борьбу уходят целые состояния, не важно, чем закончится игра – победой или поражением, а Коул по-прежнему стоял

на ринге, как чемпион-тяжеловес с грозно поднятыми кулаками, готовый наброситься на соперника, едва тот попытается прийти на выручку «Эри». Остальное – уже история: «Объединенные предприятия» заполучили компанию по производству пластика чуть ли не за полцены, Коул заслужил дурную репутацию и нажил новых врагов.

– Ну, с его врагами я ничего не могу поделать, – вставила Глория, – но намерена повлиять на общественное мнение.

– Коула не заботят враги. Его интересуют только «Объединенные предприятия» и свои победы. Коул Гаррисон заплатил бы любую цену, лишь бы завладеть «Эри». Победа для него так же важна, как приобретение, а может, и еще важнее.

– В таком случае он должен был давно разориться.

– Ты оказалась бы права, будь Коул Гаррисон лишен редкостного дара вдобавок к упорству, – нехотя пробормотал Дик Роуз, подходя к бару конференц-зала и наливая себе скотча.

– Что это за дар?

– Дар предвидения, – пояснил Дик. – Он наделен поразительной способностью предугадывать тенденции, изменения, потребности и извлекает из них выгоду гораздо раньше, чем большинство его конкурентов.

– Кажется, это тебя не восхищает, – с удивлением отметила Глория.

– Я в восторге от этого таланта, но не от его обладателя, – мрачно подтвердил Роуз. – Что бы он ни делал, у него в голове всегда есть некий запутанный и тайный план. Пытаясь предугадать его шаги, аналитики Уолл-стрит приходят в бешенство, но редко попадают в точку. Он сведет с ума каждого, кто попытается переиграть его.

– Похоже, это и в самом деле загадочный человек, – произнесла Глория, сопровождая свои слова виноватым пожатием плеч.

– С чего ты взяла, что Коул Гаррисон – человек? – нарочито серьезно переспросил Роуз. – Я нисколько не сомневаюсь, что он – шестифутовый робот с искусственным интеллектом, облаченный в костюм стоимостью восемь тысяч долларов. – Оба его собеседника расхохотались, и он слегка улыбнулся. – Мой вывод подтверждают факты. Он не увлекается гольфом, не играет в теннис, не интересуется ни профессиональным спортом, ни светской жизнью. Никто не знает, есть ли у него друзья. Его бывшая секретарша рассказывала, что просто так, не по делу ему звонят только женщины. Да, женщины, – подчеркнул Роуз, с упреком взглянув на Глорию. – Кажется, все они находят его загадочным.

– Это полностью опровергает твою теорию о роботе, Дик, – пошутил Корбин.

– Не обязательно, – возразил Роуз. – Откуда нам знать, может, новейшие технологии позволяют создать робота мужского пола, обладающего...

– Мне жаль прерывать эту познавательную дискуссию, – перебила Глория, поднимаясь и ставя на стол свой бокал, – но меня ждет работа. Пусть мистер Гаррисон не заботится о своем имидже, но он влияет на успех корпорации, и его следует усовершенствовать. Сегодня же, пока он здесь, надо уговорить его устроить пресс-конференцию, посвященную дальнейшей судьбе компании Кушманов.

– Он не согласится, – предупредил Роуз, тоже вставая. – Я уже пробовал.

– Тогда давай побеседуем с ним вдвоем и посмотрим, сможем ли мы вместе воззвать к его разуму.

– Он уже отказал мне. Может, тебе повезет больше – конечно, при условии, что он вообще тебя примет.

Добиться аудиенции у Коула Гаррисона оказалось гораздо проще, чем завладеть его вниманием, – Глория поняла это сразу же, как только была допущена в святая святых, потрясающее обилием хромированных предметов и стекла, серебристо-серых ковров и бордовой замшевой обивки.

Вот уже десять минут она сидела перед Коулом Гаррисоном, убеждая его провести пресс-конференцию, в то время как он подписывал бумаги, отдавал распоряжения секретарю, звонил по телефону, а главным образом – игнорировал посетительницу.

Внезапно он окинул ее пристальным взглядом.

– Вы что-то говорили? – произнес он резким голосом человека, привыкшего приказывать.

– Я... – Глория осеклась под этим холодным, оценивающим взглядом, но тут же ринулась в бой. – Я пыталась объяснить, что эта пресс-конференция будет не просто полезна, а жизненно необходима. Присоединение компании Кушманов пресса уже представляла как кровопролитие. Проигравшие вопили, что игра велась нечестно, прежде чем она успела закончиться...

– Я сыграл так, чтобы победить. Они проиграли. Остальное не важно.

Глория взглянула ему в глаза, а затем решила проверить, надежно ли ее новое место работы:

– Согласно заявлениям ваших противников и большинства экспертов Уолл-стрит, вы, сэр, играете чересчур грубо и не берете пленных. Журналисты изображают вас кровожадным хищником, которому больше нравится убивать добычу, нежели пожирать ее.

– Чрезвычайно красочное сравнение, мисс Куигли, – издевательски заметил Коул.

– Это факт, – возразила Глория, вздрогнув от его язвительного тона.

– Нет, – не сдался он, – вот вам факт: компания «Кушман электроникс» была основана гением шестьдесят лет назад, но его наследники с каждым поколением становились все ленивее и глупее. Эти отпрыски – которые составили совет директоров – родились богатыми, учились в лучших школах и, несмотря на то что давно пустили компанию и вклады акционеров псу под хвост, по-прежнему были убеждены в собственном превосходстве и не видели,

что происходит. Они до последней минуты верили, что в дело вмешается какой-нибудь закадычный школьный приятель, предоставив им очередную инъекцию капитала, который они смогут промотать либо на себя, либо на борьбу при следующих попытках присоединения.

Но вместо этого они проиграли мне – новичку в бизнесе, выскочке неизвестного происхождения, – и это кажется им унижительным, это оскорбляет их чувства. Вот почему они вопят о нечестной игре. Мы с ними общались вовсе не на званом вечере, где царят ритуалы этикета, – мы вели сражение. А в битвах есть только победители и проигравшие.

Коул ждал, что и Глория смирится с поражением и отступит, но она сидела, храня упрямое выражение на лице.

– Ну так что же? – не выдержал он спустя несколько секунд.

– Существуют способы вести сражения так, чтобы победитель не выглядел варваром, – для того и создана служба по связям с общественностью.

Коул понимал, что у нее имелась своя точка зрения, но не горел желанием ни выслушивать ее, ни принимать. Пока Коул превращал свою компанию в крупный конгломерат прибыльных филиалов, ему то и дело приходилось вести юридические и экономические битвы с самодовольными аристократами – такими же, как члены совета директоров компании Кушманов, и каждый раз он выходил из сражения победителем, испытывая при этом ощущение, что его боятся как чумы – из-за успешного вторжения в чужие ряды и захвата всех возможных призов. Похоже, удар, который Коул наносил по самолюбию аристократов, был так же ненавистен этим людям, как финансовый ущерб, нанесенный их банковским счетам и пакетам акций.

Сам Коул находил их позицию скорее забавной, нежели оскорбительной, и искренне развлекался, видя, что его вечно изображают безжалостным дикарем, размахивающим дубиной, его мишени – невинными жертвами, а его соперников – благородными рыцарями. Истина же состояла в том, что эти учтивые воины прибегали к помощи наемников – адвокатов, экономистов, биржевых аналитиков, которые выполняли грязную работу и осуществляли тыловые маневры; затем, когда противник так слабел, что мог оказать лишь вялое сопротивление, соперники Коула выходили на поле битвы, по-

джентльменски вооруженные только шпагой. После краткой, символической дуэли эти рыцари прикладывали клинок ко лбу, вежливо приветствуя жертву, протыкали ее насквозь, а затем удалялись, предоставляя наймитам хоронить покойника.

В отличие от этих корпоративных дуэлянтов Коул был скандалистом, уличным драчуном, которого волновала только победа. В результате он нажил множество врагов и нескольких друзей наряду с незавидной славой жестокого и неотесанного грубияна, которую считал отчасти заслуженной, и беспринципного человека, каким он вовсе не был.

Но это ничуть не задевало Коула. Кровные враги, несправедливые публичные нападки, злоба и обида были неизбежной ценой успеха. Коул платил ее, не жалуясь, как и другие решительные провидцы, которые, подобно ему, умудрились за последние два десятилетия собрать богатый урожай с истощенной почвы в экономическом климате, считающемся нездоровым.

– В конце восьмидесятых то же самое говорили о Мэтте Фарреле и его международной корпорации, – многозначительно напомнил Коул Глории. – А теперь он фаворит Уолл-стрит.

– Верно. И отчасти это заслуга отличной рекламы, которую сделал ему шумный брак с богатой наследницей, а также более открытый стиль общения.

Коул взглянул на дверь и приветственно кивнул главному консультанту корпорации Джону Недерли, которого впустила в кабинет секретарь. Глория начала приподниматься, смирившись с поражением.

– Когда вы хотите провести эту пресс-конференцию?

Глория не поверила своим ушам.

– Как можно скорее. Может быть, завтра? Мы успеем подготовиться.

Коул подписал еще несколько бумаг, поданных секретарем, но не отвел глаз и покачал головой.

- Сегодня я улетаю в Лос-Анджелес и пробуду там до среды.

- А в четверг?

- Я проведу в Джефферсонвилле четверг и пятницу, улаживая семейные дела.

- Тогда в субботу? - с надеждой подхватила Глория.

- Хорошо.

Но радость Глории убила в зародыше секретарь, которая перевернула страницу настольного календаря, указала запись на ней и произнесла:

- Боюсь, суббота отпадает - днем вам надо быть в Хьюстоне.

- В Хьюстоне? - с раздражением переспросил Коул. - Зачем?

- Чтобы присутствовать на балу Белой Орхидеи. Вы пожертвовали скульптуру Клайнмана для благотворительного аукциона, который состоится перед балом, и собравшиеся пожелают поблагодарить вас за великодушие.

- Отправьте туда кого-нибудь другого.

Все, кто был в кабинете, удивленно вскинули голову, когда Глория ухватилась за это предложение:

- Эти дела можно совместить. Должно быть, эта скульптура будет самым ценным лотом...

- И самым безобразным, - перебил Коул таким убежденным тоном, что Глория с трудом подавила смехок.

- Зачем же тогда вы ее купили? - вырвалось у нее.

- Мне сказали, что это будет хорошее вложение капитала - последние пять лет стоимость скульптуры быстро росла. К несчастью, теперь эта вещь нравится мне

не больше, чем в момент покупки. Пусть кто-нибудь другой отправится в Хьюстон расшаркиваться от имени корпорации.

– Вы должны присутствовать лично, – упрямо возразила Глория. – Вы сделали чрезвычайно щедрое пожертвование. Собранные средства будут переданы Американскому онкологическому обществу, этот бал – крупное событие в жизни страны. Сейчас самое время заняться рекламой, а на следующей неделе устроить пресс-конференцию.

Коул перестал писать и пристально уставился на Глорию, одобряя ее служебное рвение – несмотря на сопротивление Коула и его нежелание сотрудничать.

– Ладно, – коротко ответил он.

Глория поднялась и направилась к двери, но, сделав несколько шагов, обернулась и обнаружила, что мужчины смотрят ей вслед.

– Дело с компанией Кушманов будет упоминаться еще не раз, – сказала она, обращаясь к Коулу. – Если вам представится случай услышать что-нибудь о нем в программах новостей, мы могли бы обсудить с вами ситуацию и разработать план ответных мер для пресс-конференции.

– Непременно послушаю новости, пока буду собираться в Лос-Анджелес, – с раздражением отозвался Коул.

Глория поспешила к двери.

Когда она вышла, Коул откинулся на спинку кресла и взглянул на главного консультанта корпорации, который с одобрительным блеском в глазах пронаблюдал, как удалилась Глория.

– Настойчивая девочка, – заметил Джон.

– Чересчур настойчивая.

– И ножки стройные. – Вдалеке стукнула закрывшаяся дверь, и Джон перешел к неотложным делам: – Вот доверенности, которые должен подписать твой дядя

к собранию совета директоров, – произнес он, передвинув бумаги по чистой стеклянной столешнице, покоящейся на замысловато изогнутых хромированных трубках. – Коул, мне неприятно каждый раз повторять одно и то же, досаждая тебе, но твоему дяде давно пора передать тебе свои акции корпорации. Я знаю, что ты будешь его единственным наследником, но по ночам я часто просыпаюсь в холодном поту, представляя себе, сколько неприятностей сразу свалится на нас, когда он одряхлеет или вдруг откажется подписывать доверенность.

Коул сдержанно усмехнулся, взглянув на поверенного, и смахнул бланки доверенности в кейс.

– Напрасно ты мучаешься бессонницей, – заметил он, повернулся в кресле и начал рыться в папках, стоящих в сейфе за его столом. – Пока рассудок Кэла остер как лезвие бритвы.

– Пусть так, – не сдавался Джон, обращаясь к Коулу, – но ему за семьдесят, а старики способны на нелепые и досадные выходки. Например, в прошлом году группа акционеров одной компании из Индианы, выпускающей химикалии, решила препятствовать слиянию с более крупным предприятием, которое планировал совет директоров. Эти акционеры разыскали в Калифорнии старуху, которой принадлежал контрольный пакет акций, унаследованный от мужа, а затем убедили ее, что действия совета повлекут громадные затраты и значительно снизят стоимость ее акций. Ее отвезли в Индиану, где она лично проголосовала против слияния, расстроив все планы совета. А несколько недель спустя она сообщила совету в письме, что ее заставили так поступить!

Коул запер сейф, развернулся к столу и с нескрываемой насмешкой оглядел взволнованного поверенного. Кэлвин Даунинг приходился ему дядей по материнской линии, и Коул не только знал его ближе, чем родного отца, но и был уверен: опасения Недерли нелепы.

– Насколько мне известно, никто, в том числе и я, не в состоянии убедить, принудить или заставить Кэлвина сделать то, чего он не хочет, или запретить ему поступить по-своему.

Когда на лице поверенного отразилось сомнение, Коул привел первый пришедший ему в голову пример:

– Целых пять лет я убеждал его перебраться в Даллас, но он так и не согласился. Еще пять лет я потратил, уговаривая его перестроить дом, однако он уверял, что новое жилище ему не нужно и что это пустая трата денег. К тому времени капитал дяди составлял по меньшей мере пятьдесят миллионов долларов, однако он по-прежнему жил в том же ветхом домишке с двумя спальнями, где родился. Наконец два года назад он решил впервые в жизни как следует отдохнуть. За шесть недель, которые он провел в отъезде, я нанял подрядчика, подрядчик привез целую армию плотников, и те выстроили чудесный дом в западной части ранчо. – Коул закрыл кейс и встал. – Знаешь, где дядя живет теперь?

Джон уловил ироническую нотку в голосе Коула и безошибочно догадался:

– В том же старом доме?

– Вот именно.

– Чем же он там занимается в полном одиночестве?

– Ну, он не так уж одинок. С ним живет пожилая экономка, несколько работников помогают ему справляться с делами на ранчо. Дядя проводит время, либо препираясь с ними, либо читая – последнее всегда было его излюбленным занятием.

Эти сведения плохо вязались с представлениями Джона о престарелом фермере из Техаса.

– И что он читает?

– Все, что попадется, – в зависимости от того, что интересует его в тот или иной период. Эти «периоды» обычно длятся три-четыре года, и за это время он проглатывает десятки томов. Например, когда-то он читал только биографии героев войн, затем переключился на мифологию. Позднее началось увлечение психологией, философией, историей и, наконец, вестернами и детективами. – Коул помедлил, делая запись в настольном календаре, и добавил: – Год назад у него пробудился острый интерес к популярным журналам, и теперь он читает все подряд – от «Плейбоя» до «Женского журнала» и «Космополитена», утверждая, что подобные издания лучше всего отражают менталитет

современного общества.

– Вот как? – переспросил Джон, старательно скрывая свое беспокойство, вызванное причудами и маниями упрямого престарелого миллионера, который мог при желании создать хаос в сложной структуре филиалов, подразделений, совместных предприятий и партнеров. – И чтение помогло ему прийти к каким-нибудь выводам?

– Разумеется. – Коул взглянул на часы и встал. – Если верить Кэлу, наше поколение вопиющим образом нарушает нормы нравственности, приличий, этики. К тому же на нас лежит вина за воспитание нового поколения, которому неизвестны даже эти слова. Короче, читая, Кэл пришел к убеждению, что Америка катится в пропасть – так же, как Древняя Греция и Рим, и по тем же причинам, которые привели к упадку и исчезновению этих государств в то время, когда они представляли собой «мировую силу». Кстати, это немыслимое выражение принадлежит Кэлу, а не мне.

Джон поднялся и направился к двери вместе с Коулом, но, взявшись за дверную ручку, Коул приостановился и произнес:

– Ты прав: Кэл должен передать мне свои акции. Этот слабый узел мне следовало укрепить еще несколько лет назад, но я все время медлил. Я поговорю с Кэлом на этой же неделе.

– Поговоришь? – встревоженно повторил Джон. – Значит, могут возникнуть проблемы?

– Нет, – скрыл правду Коул. У него не было ни малейшего желания втолковывать чужому человеку, какую роль сыграл в его жизни Кэл или какую благодарность он испытывает к дяде... и как любит его. И даже если бы Коул попытался это сделать, ему ни за что не удалось бы объяснить или оправдать перед поверенным собственную сентиментальность, помешавшую ему попросить у дяди акции, полученные четырнадцать лет назад.

В то время «Объединенные предприятия» были еще лишь смутной, отдаленной мечтой Коула, но Кэл внимательно выслушивал его планы. Безоговорочно веря в способность племянника превращать свои грандиозные замыслы в реальность, Кэл одолжил ему полмиллиона долларов в качестве начального капитала –

вклад, который включал всю прибыль от добычи нефти и газа на своих землях, а также дополнительные двести тысяч долларов, взятые в банке. Затем Коул обратился к далласскому банкиру за ссудой в семьсот пятьдесят тысяч долларов, предлагая в залог будущий доход от скважин Кэла. Вооруженный миллионом долларов, сметкой и знаниями, Коул повел свою первую игру в мире бизнеса и финансов. Прежде всего он поставил на одно из самых рискованных, но наиболее прибыльных дел – добычу нефти и газа.

Помня, как крупная буровая компания дважды потерпела неудачу на территории ранчо Кэла, он решил приобрести акции второй фирмы, поменьше, которая неизменно преуспевала. «Южная исследовательская компания» принадлежала Алану Сауту, напыщенному тридцатитрехлетнему «изыскателю в третьем поколении», как он себя называл. Он обожал находить нефть и газ там, где терпели фиаско крупные предприятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Игра слов. Коул – уголь (англ.). – Примеч. пер.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/dzhudit-maknot/pomnish-li-ty-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)